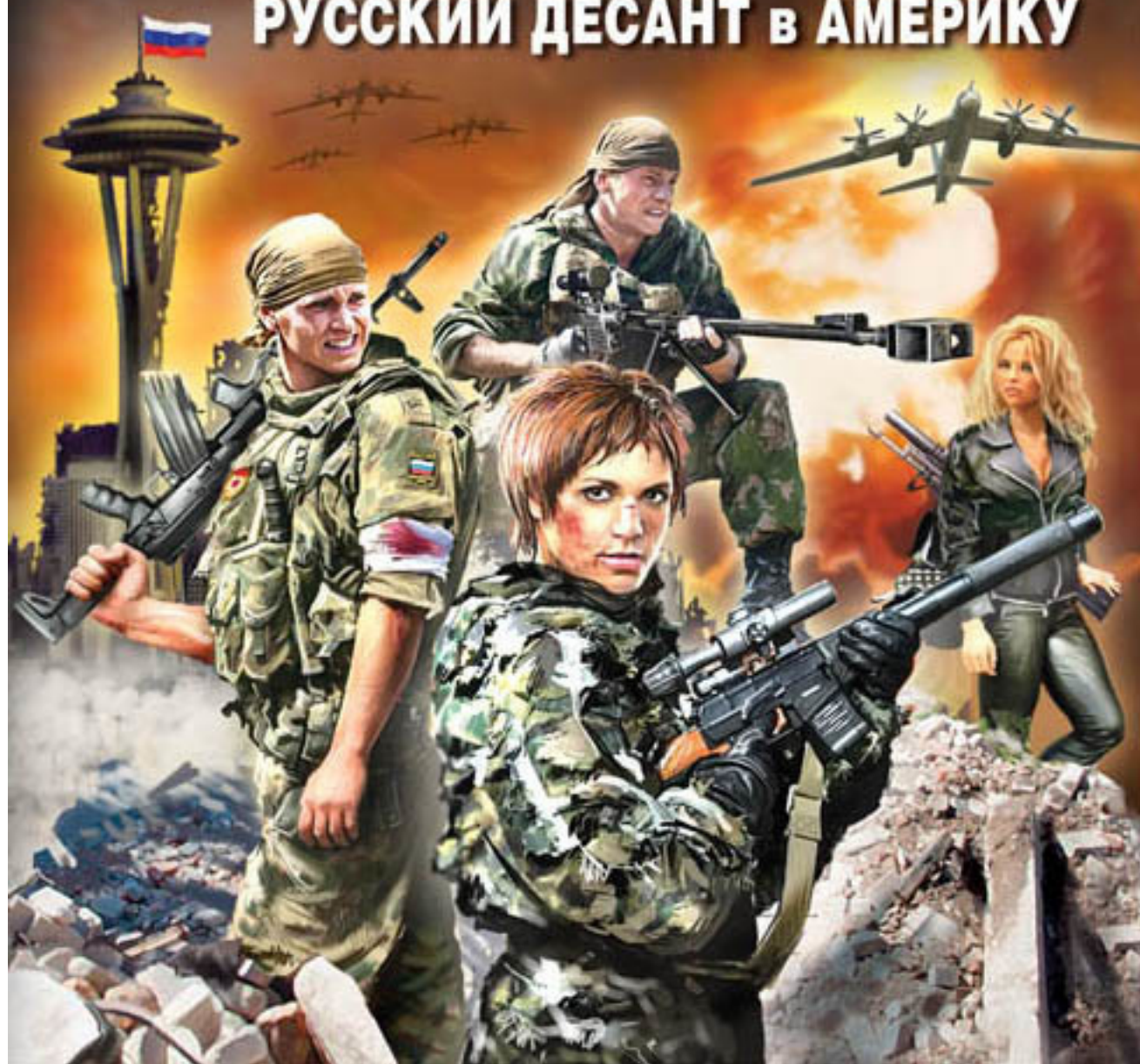

**Владислав
МОРОЗОВ**

БЕЙ ВРАГА В ЕГО ЛОГОВЕ!

РУССКИЙ ДЕСАНТ В АМЕРИКУ

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Владислав Морозов

Бей врага в его логове!
Русский десант в Америку

«Яуза»

2014

Морозов В. Ю.

Бей врага в его логове! Русский десант в Америку /
В. Ю. Морозов — «Яуза», 2014 — (Враг у ворот. Фантастика
ближнего боя)

2017 год. США доигрались с огнем до ограниченной ядерной войны. Американская агрессия в Сирии и Иране отозвалась исламским восстанием в Европе и спровоцировала обмен тактическими ядерными ударами в Корею, Индии и на Ближнем Востоке. Мир балансирует на грани тотальной катастрофы, выживая по законам военного времени. Устоит ли Россия в огне Четвертой Мировой? Способен ли русский Спецназ и гвардейские штурмовые бригады перенести диверсионную войну на территорию США, чтобы БИТЬ ВРАГА В ЕГО ЛОГОВЕ? Сможем ли мы удержаться на краю бездны – или нас ждут новые Темные века? НОВЫЙ роман от автора бестселлера «По законам военного времени». Фантастический боевик о грядущей войне, которая уже на пороге.

© Морозов В. Ю., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Пролог. Война, которой не было	6
Глава 1. Вызываем огонь на себя. Ну очень дальний рейд	15
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владислав Морозов

Бей врага в его логове!

Русский десант в Америку

Посвящается тем, кто родился после Второй мировой войны и так и не дождался Третьей. К счастью. Для всех. Пока.

Практически все люди и события, описанные в книге, вымышлены и не имеют ничего общего с реальностью, а трактовка автором некоторых реальных исторических событий и фактов необязательно совпадает с общепринятой.

Пролог. Война, которой не было

Мне всё снятся военной поры пустыри...
М. Дудин. Снегири.

На настоящей войне, как известно, горит даже то, что совсем не должно гореть. Куба же, известная в широких кругах ограниченных людей как «остров зари багровой», за истекшие поистине адские день и ночь стала багровой окончательно и бесповоротно. Превратившись в один гигантский незатухающий пожар. Американцы пока что не нанесли по острову ядерных ударов, но на обычные зажигательные боеприпасы, от напалма до фосфора в гранулах, не поскупились. В итоге за неполные двадцать часов Остров свободы быстро превратился из бело-зелёного в серо-чёрный. Местами пожары были такой силы, что для их тушения пришлось надевать противогазы и ОЗК. Чтобы не задохнуться.

Это вообще незабываемо, когда многие часы подряд смотришь на мир сквозь стеклянные бельма противогаза. А кругом тропическая жара и ночь, отсвечивающая одним огромным пожаром.

Враздрай всё пошло не сразу, сначала, начиная с 14 октября, как и положено, был дипломатический скандал и прочие шаманские пляски сторон, связанные с рассекречиванием прибытия советских войск, и особенно ракет, на Кубу. Кстати, нельзя сказать, что эти самые ракеты кто-то стремился спрятать. Похоже, вся эта акция изначально была откровенной работой на публику. Потом последовало решение Кеннеди о морской блокаде острова. 27 октября ракетой комплекса С-75 с советским расчётом в кубинском небе был сбит американский U-2. А дальше...

Короче говоря, здесь никто отчего-то не понял, что заигрался, не принял решение «сдать назад» и не начал переговоры. То есть возобладал не здравый смысл, а нечто прямо противоположное.

Утром 28 октября американцы подняли для удара по острову всю свою наличную ударную авиацию, заранее сосредоточенную для такой масштабной акции, – не менее 400 машин. За несколько часов до этого начались боевые действия в Европе, и там уже произошёл первый обмен тактическими ядерными ударами. Поэтому руки у советского контингента на Кубе были развязаны, и он был готов сделать то, зачем его, собственно, послали в эти далёкие и жаркие края в рамках пресловутой операции «Анадырь».

С 25 октября все три полка советских РВСН, дислоцированные на острове, находились в полной боевой готовности. А через три дня, едва узнав о подходе американской ударной армады, генерал Плиев отдал единственный возможный в этой обстановке приказ. Собственно, санкцию Хрущёва и Малиновского на запуск он получил ещё за сутки до начала открытых боевых действий. И 35 ракет – 24 Р-12 и 11 Р-14 – с мегатонными боеголовками на огненных столбах прыгнули в небо над Северной Америкой.

Последовавший удар американцев был отбит, но частично. Они потеряли больше двух сотен самолётов, но при этом всё же смогли выполнить часть поставленных задач. Они разнесли в хлам больше половины пусковых установок Р-12 и Р-14 и ЗРК, часть радаров. Погибло огромное количество наземной боевой техники и запасов советского контингента. Было уничтожено большинство не задействованных в первом ударе и складированных почти без всякой маскировки ракет и 75 % наличных запасов ГСМ.

От 40 дислоцированных на острове Миг-21Ф-13 213-го ИАП (он же законспирированный 32-й гвардейский ИАП) после отражения первого массированного налёта осталось 18, от отдельной эскадрильи из 12 Миг-19П – 7. Мало что осталось и от вертолётного полка Ми-4.

Почти мгновенно перестал существовать минно-торпедный полк Ил-28, чьи самолёты в полном составе сгорели на стоянках.

Отдельная эскадрилья однотипных носителей ядерного оружия тоже погибла полностью, но вполне героически. Поскольку пара её Ил-28, прежде чем их завалили американские F-104, сумела достигнуть вражеской территории и сбросить пару «подарков» мощностью в десяток килотонн на военно-морскую базу Ки-Уэст.

Одновременно с началом налётов подразделения американской армии при поддержке большого количества танков атаковали части РВС Кубы по всему периметру базы Гуантанамо, а у Матансаса и Пуэрто-Манати за кубинский берег попытались зацепиться крупные десанты их морской пехоты. Десанты были атакованы крылатыми ракетами и ракетными катерами, понеся достаточно серьёзные потери в кораблях. Кроме того, одна из нескольких болтавшихся в Саргассовом море советских дизельных подлодок, прежде чем её уничтожили, сумела поразить атомной торпедой противолодочный авианосец «Кирсардж». И ещё в момент, когда американские самолёты плотно бомбили несговорчивый остров, ракеты начали достигать целей – вырубилась к чёртовой матери вся связь, после чего воюющие стороны резко ослепли и оглохли. Электромагнитный импульс, ничего не попишешь...

Довоенные американские планы и расчёты, как водится, дали сбой, поскольку большинство выпущенных с Кубы ракет благополучно попали в цель. В том числе одна Р-12 накрыла Майами, подтверждением чему служило офигенное зарево во весь горизонт. О том, что последовало за этим в глобальном плане, думать как-то не хотелось.

И картина складывалась предельно нерадостная. Похоже, СССР вдарил по США и НАТО всем, что имел. Потом, естественно, прошёл ответный удар. При этом американский потенциал ответного удара заметно превышал советский. Согласно моим предварительным прикидкам, советские ядерные фукалки накрыли до сотни целей на территории США (кроме ракет с Кубы здесь явно поработала стратегическая авиация и иные возможные средства, вроде байконурских Р-7), не считая Западной Европы, Тайваня и Японии. Американцам удалось накрыть более 350 целей в СССР, Восточной Европе и КНР. То есть некоторый паритет в плане глобального взаимного смертоубийства был более-менее соблюден. Радовать здесь могло только то, что ядерный потенциал сверхдержав в начале 1960-х был явно недостаточен для полного уничтожения биосферы на планете. А значит, после этого «мирового пожара» кто-нибудь да выживет, даже если воспоследует ядерная зима и прочие подобные «радости». В общем, всё как всегда. Предотвратить или остановить войну генералы и политики практически всегда оказываются не способны. А вот похоронить (или, на худой конец, кремировать) убиенных – это у нас всегда пожалуйста.

А далее над Кубой повисла зловещая тишина. Конечно, очень относительная, поскольку на побережье острова продолжались ожесточённые наземные бои.

В ночь с 28 на 29 октября энергичными советско-кубинскими контратаками был уничтожен американский десант в районе Пуэрто-Манати. Морпехи у Матансаса были прижаты к морю и взяты в плотное «колечко».

Был отбит и удар со стороны Гуантанамо. Но какой ценой? В трёх советских мотострелковых полках после ожесточённого встречного боя вряд ли осталось хотя бы десять исправных Т-54. РВС Кубы тоже потеряли в этих ожесточённых танковых дуэлях почти всю тяжёлую технику – обугленные джунгли и тростниковые плантации вокруг Гуантанамо были густо уставлены горелыми Т-34-85 вперемешку с LVTP-5, «Паттонами», «Бульдогами» и «Онтосами». Последних, правда, было намного больше.

Связи не было никакой, да и быть не могло, учитывая, что от Москвы остались одни воспоминания, и неизвестно было, уцелело ли вообще Политбюро ЦК КПСС и прочее военное руководство.

Американцы, видимо, были не в лучшем положении, поскольку не знали, где нынче находятся Кеннеди, министр обороны, комитет начальников штабов и прочее. Даже относительно того, живы ли ещё руководители сверхдержав, были большие сомнения. Остался ли в живых главный барбудо Фидель, тоже было никому не известно. Пока сменившие тяжелораненого Плиева генералы Гречко и Гарбуз могли полагаться только на себя и свою интуицию.

И решение в их шаблонных мозгах времён Второй мировой созревало только одно. Если американцы нанесут второй авиаудар по Кубе, то он скорее всего будет однозначно ядерным. Вряд ли они теперь станут жалеть кучку своих солдат в Гуантанамо и под Матансасом. Уничтожение бородатых ребят Фиделя в компании «проклятых комми» будет куда важнее. И, если всё пойдёт именно так, рассуждая логически, остаётся только удар всем, что уцелело (тактической «Луной» и крылатыми ракетами с ядерными боевыми частями) по американским войскам и кораблям у побережья. Плюс к этому пуск восьми уцелевших Р-12 и Р-14 по целям в Штатах. И это будет всё. То есть теперь точно окончательно всё. Во всяком случае, для Кубы и остатков сорокапятитысячного советского контингента...

На авиабазе Сан-Антонио царил слегка упорядоченный хаос. Видимо, вокруг меня находилось никак не меньше двух тысяч человек. В основном кубинцев, занятых ремонтом техники и вооружения, тушением остаточных пожаров и починкой ВПП, которую при налёте довольно густо истыкали воронками. При этом число непогребённых покойников на базе и в её окрестностях несколько превышало численность живых.

Правда, ПВО базы ещё оставалась частично боеспособной – вокруг сохранилось больше полусотни зениток калибром от 12,7 до 85 мм. Сохранился и пяток пусковых ЗРК С-75.

Из боеготовых самолётов на аэродроме сейчас находилось 4 МиГ-19П, 9 МиГ-17Ф и 23 МиГ-15Бис и МиГ-15УТИ. Последние официально принадлежали кубинским ВВС.

Здесь я вполне осознавал себя майором, но только почему-то однозначно лётчиком-инструктором, последние недели переучивавшим «соколов команданте Фиделя» на уже порядком устаревшие «пятнашки». Только маловато было этих «соколов», даже трёх эскадрилий до начала войны подготовить не удалось. И я, как и прочие «советники» вроде меня, был вполне готов стартовать на перехват американских агрессоров и даже пасть смертью храбрых при этом. Вот только взлетать пока можно было, видимо, лишь с уцелевших рулёжных дорожек. И неизвестно, успеют ли кубинцы до следующего удара американцев, который неизбежно воспоследует, полностью засыпать воронки на взлётной полосе.

На рассвете, когда пожары несколько поутихли, я наконец содрал с себя противогаз. И, наверное, зря. В маске у меня болела голова от вони потной резины, а на «свежем воздухе» вокруг стояла сплошная пелена дыма, копоти и сажи, сопровождаемая запахами, от которых выворачивало наизнанку. Пережаренный дрянной шашлык вперемешку с ароматами горелой нефти и резины. Сизая дымная пелена, похожая на туман, плотно висела над обгоревшей травой, кустами и аэродромным бетоном. А яркое солнце тропического рассвета с трудом пробивалось через затянувшие горизонт дымы. Ветер со стороны Флоридского пролива нёс на Кубу явно не только дым и копоть, но и изрядный радиоактивный фон с кремированных Ки-Уэста и Майами.

Ну, положим, радиацию, пока не начнёшь от неё подыхать, особо и не почувствуешь, а вот копоть... Ещё ночью она покрыла меня толстым слоем, намертво въевшись в гимнастёрку и сапоги (перед началом американского налёта почти все русские переоделись из «гражданки» в свою полевую форму, традиция аж со времён героического самоутопления «Варяга» и «Корейца», знай наших, блин), а из носа полезли сопли, цветом и твёрдостью похожие на каменный уголь. В общем, я напоминал сам себе помазок или трубочиста. Ну, или помазок трубочиста. То есть был я весь какой-то чёрно-серый, от подошв до подворотничка гимнастёрки. И в момент, когда я в очередной раз тщетно пытался высморкать на подкопчённую кубинскую землю уголь из своих ноздрей, меня деликатно тронули за плечо.

Почему-то я знал того, кто стоял у меня за спиной. Вроде бы это был мой непосредственный начальник – командир 202-й учебной эскадрильи (на самом деле это, конечно, была никакая не эскадрилья, а учебный центр при ВВС Кубы, так её называли чисто для конспирации) полковник Пазаркевич. Сейчас полковник, как и мы все, больше всего походил на оперного дьявола – чёрная от сажи физиономия, откровенно посеревшая форменная рубашка с прожжёнными дырами на рукавах и оторванным правым погоном. Военачальник...

Фуражки на его голове не было, а причёска, как и у всех нас, представляла собой нечто невообразимое.

– Майор! – гаркнул он. – Ты чем занят?

При этом его красные глаза смотрели чуть ли не в разные стороны. Было такое впечатление, что полкана, помимо прочего, ещё и слегка контузило при налёте.

– До рассвета занимался пожаротушением, как и все остальные! – доложил я. – В данный момент тщетно пытаюсь прийти в себя, товарищ полковник!

– Отставить разговорчики, майор! У нас война на дворе!

– Так точно, есть отставить разговорчики. А что такое?

– Вы что себе позволяете?!

– Виноват, товарищ полковник, я после налёта малость оглох и соображаю туго.

– Оно и видно. Эх удивил! Тут, по-моему, все напрочь контуженные, кто жив остался. В общем, так – для тебя есть боевое задание, по твоей основной специальности.

– Есть боевое задание, товарищ полковник! А конкретнее?

– С рулёжки взлететь сумеешь?

– Ну, это смотря на чём...

– На Миг-15бис, естественно.

– Постараюсь, товарищ полковник.

– Постарайся, майор, – сказал Пазаркевич и добавил: – Пойдём, я тебя проинструктирую.

Куда пойдём и о каком инструктаже может быть речь, я не очень понял, поскольку большинство строений на этой авиабазе после налёта полностью сгорело. Особенно досталось ангарам и складам. Венчала композицию выгоревшая вышка управления полётами. Наверное, это он мне предлагал чисто по инерции. Динамические стереотипы Советской армии...

Проходя мимо остовов двух полностью сгоревших Ил-14, я отметил для себя, что в кабинках четырёх стоящих в обваловках Миг-19П в «готовности № 1» парятся пилоты. Значит, всё-таки с нетерпением ожидаем налёта? Ладно. Взлететь-то они с рулёжек взлетят, а вот как сядут? Уж больно коротки рулёжки и велика посадочная скорость у «девятнадцатого». Хотя вряд ли им вообще будет суждено после этого куда-то сесть. Мы не все вернёмся из полёта, как пелось в одной старой песне. Особенно из такого.

Миновав обломки пары сбитых накануне «Скайхоков», от которых остались фактически только вбитые в землю обгорелые двигатели и оплавившаяся арматура, мы вышли к стоянке Миг-15. Возле некоторых из них шла суета, истребители заправляли топливом из чудом уцелевшего заправщика и заряжали пушки, опустив на бетонку лафеты пушечных установок. Взмывленный, почерневший от копоти и клинического ужаса безнадёжной ситуации советский техсостав метался между самолётами, помогая себе в работе упоминанием какой-то матери и прочих исконно русских персонажей. Немногочисленные кубинские технари поминали свою, национальную «карамбу» вперемешку с разными «ихо де путами». Эти выражения были тем более уместны, что исправных автомашин и прочей техники на авиабазе почти не осталось.

Инструктаж кратко свёлся к следующему. Связи не было совершенно никакой. И давно. О том, что делается в остальном мире, никто на Острове свободы не представлял. При этом уцелевшие радары островной ПВО видели воздушную обстановку километров на двести с небольшим, то есть не дальше побережья Флориды. А командованию советского контингента хотелось видеть хоть немного дальше. И они не придумали ничего лучшего, как периодически

ски посылать самолёты на разведку в сторону американского побережья и Багамских островов. Ничего лучшего для этой цели, кроме МиГ-17Ф и МиГ-15бис, под рукой у советских генералов не было. Этим старым истребителям завезли на Кубу довольно много, и после первого налёта американцев их уцелело несколько десятков, если считать «спарки» МиГ-15УТИ.

Понятно, что никакого специального разведывательного оборудования на них не было в принципе, но выбора всё равно не оставалось. А никаких специализированных самолётов-разведчиков, вроде Як-27Р или Ил-28Р, на Кубу перебросить не догадались (видимо, в Генштабе думали о возможных вариантах развития данного конфликта, как обычно, пятой точкой, а не головой), поэтому выбирать теперь не приходилось. Фактически это напоминало откровенный жест отчаяния – оснащённые подвесными баками МиГ-15бис высылались для чисто визуальной разведки воздушной обстановки в глубину американской территории. Как я понял, всё, что требовалось в данном случае от пилотов, – доложить по радио (открытым текстом) в случае обнаружения большой группы воздушных целей. То есть речь, по сути, шла об архипримитивном раннем предупреждении о воздушном нападении. При этом из-за помех, вызванных радиацией, эта самая радиосвязь была весьма неустойчивой. Теоретически особо везучий и глазастый пилот «пятнашки» мог засечь приближение бомбардировщиков ВВС США где-то на широте Сарасоты или Сент-Питерсберга с Тампой и даже попробовать после этого вернуться – дальность такое позволяла. Вопрос только, куда в этом случае возвращаться и зачем всё это вообще было нужно? В ПВО острова после первого налёта зияли бреши и дыры, и шансов, что второй налёт будет отбит, не было совершенно никаких. Даже при условии, что доклад от пилота-разведчика будет своевременно услышан. В общем, в данном случае, похоже, жертвовали теми, кого не жалко.

И теперь Пазаркевич предложил мне поиграть в подобного героя-одиночку, типа Николая Гастелло. А именно – взлететь и, максимально углубившись в воздушное пространство США над Флоридой, болтаться там, насколько хватит керосина. При этом докладывать о любых замеченных воздушных целях, уклоняться от огня ПВО (интересно знать, как можно реально увернуться на МиГ-15 от ракеты, скажем, ЗРК «Найк» или «Хок»? Это же просто смешно!) и по возможности не ввязываться в воздушные бои. Это, понятное дело, был приказ вышестоящего командования, который категорически не полагалось обсуждать. Выглядело всё это чистым самоубийством. Но никаких эмоций осознание этого упрямого факта у меня почему-то не вызывало...

Для порядка я спросил полковника о том, летал ли кто на подобные задания до меня. Он ответил, что с рассвета на аналогичную визуальную разведку в разных направлениях и с разных авиабаз острова уже вылетали 12 МиГ-15бис, пилотируемых в основном кубинцами. При этом три машины с задания не вернулись. То есть я был тринадцатым в списке. В общем, Пазаркевич меня страшно обрадовал и обнадёжил...

Слушая его, я смотрел на чумазых кубинцев, лихорадочно заравнивающих воронки на полосе – вручную и с помощью единственного сохранившегося бульдозера. Мартышкин труд... Чуть дальше, среди чёрно-серых копчёных пальм, валялся труп американского пилота, так и не успевшего отстегнуться от своего цветного парашюта. То ли катапультировался неудачно, то ли его в воздухе при спуске застрелили. Меня в случае парашютного прыжка над Флоридой ждало примерно то же самое. Чертовски радостная перспектива.

Для вылета мне выделили МиГ-15бис с синим бортовым номером 33. На руле поворота – кубинский флажок, на фюзеляже и крыльях – белые пятиконечные звёздочки в красном треугольнике, вписанные в синий круг. Под крыльями – 400-литровые ПТБ. Прежде этот «пятнадцатый» отсвечивал на солнце ослепительным серебром неокрашенного дюрала, но сейчас машина изрядно закоптилась, и чернота въелась во все щели и заклёпочные швы «мигаря». Оно и к лучшему – заметность уменьшилась.

Комбеза мне, понятное дело, не нашли. Единственное, на что расщедрились, – притащили ведро воняющей керосином воды. Я кое-как умыл рожу, шею и руки, после чего влез в подвесную систему парашюта и по стремянке взобрался в кабину. Слава богу, хоть плекс фонаря отмыли от копоти перед вылетом. Нацепил кожаный шлемофон, кислородную маску, глянул на приборы. Ну что же, повоюем, трогай, милый! Пора взлетать, но жить, наверное, поздно...

Техник задвинул крышку фонаря в закрытое положение и убрал стремянку. Засвистел, набирая обороты, ВК-1. Я махнул рукой товарищу полковнику и порулил к точке старта, которую обозначал кубинский солдат с красным флажком в руках. Подрулил к нему. Прибавил оборотов – и земля за стеклом кабины быстро понеслась назад. Рулёмки едва хватило, но всё-таки я успешно взлетел. Убрал шасси и, набирая высоту, сразу же увидел внизу множество непотушенных пожаров и дымов. Сильнее всего горела, по-моему, революционная столица, красавица Гавана. Да и другие населённые пункты острова тоже стремительно вылетали в трубу с дымом пожарищ.

Я прибавил обороты и с набором высоты рванул в сторону побережья, как мне посоветовали перед вылетом. А то ещё живые расчёты натканных по всему острову одноствольных и счетверённых ДШК и прочих ЗПУ могли запросто свалить и своего. Местные малограмотные милисианос увлечённо палили без разбора по всему, что способно летать.

И точно, уже над побережьем меня обстреляли. Только упреждение взяли неверно и трассы прошли далеко позади. Через пару секунд тёмный пальмовый лес побережья остался позади. Под крыльями «мигаря» замелькали песчаные плёсы и морские волны. Ки-Уэст на островах Флорида-Кис горел знатно, но я прошёл правее его. Было не до любования дорогими пиротехническими эффектами. Примерно на двадцатой минуте полёта впереди замелькало американское побережье и справа открылось гигантское пожарище, заслонявшее горизонт. Это догорал Майами, успешно подпалённый вчера. Флорида – это, как известно, в основном леса и болота. Рваните в относительно сухом осеннем тропическом лесу мегатонный ядерный заряд и увидите, что получится. Именно это я сейчас и наблюдал. Похоже, пожары здесь было уже некому тушить, да и фоново вокруг, наверное, просто чудовищно. Я слегка набрал высоту и снизил скорость, переходя в «патрульно-разведывательный» режим. Обратил внимание, что по мере удаления от Майами в глубь Флориды количество пожаров внизу меньше не становится. Конечно, горело в основном не так ярко, как в Майами и вокруг него, но всё равно земля внизу была затянута плотным сизым дымом. Леса, дороги, дома – всё сливалось в сплошной серый фон апокалипсиса. Хотя настоящий апокалипсис тут явно был накануне, когда ядерные «подарки Хрущёва» только взрывались. И надо признать, что пресловутая «кузькина мать» сработала здесь если не на пятёрку, то уж точно на твёрдую четвёрку.

– «Две тройки», как слышно, приём! – проскрипел глухой, искажённый помехами голос у меня в наушниках.

– Я «две тройки», – доложил я. – Прошёл Майами. Никаких воздушных целей не наблюдаю. Как слышно, приём!

– Понял тебя, «две тройки». Слышу тебя нормально. Продолжай выполнение основной задачи!

– Выполняю, – доложил я и заложил левый вираж. Я направлялся в сторону Сент-Питерсберга. Там вроде бы наблюдалось меньше дыма на горизонте. Хотя дело тут не в количестве. Похоже, тем, кто ещё жив внизу, сейчас фатально хреново. Но с другой стороны, как ни крути, первый удар нанесли всё-таки они. А значит, ответ, в духе того, что я сейчас наблюдаю, был закономерен, адекватен и неотвратим. В конце концов, в СССР сейчас дела несколько не лучше. «Титаны», прочие МБР и стратегическая авиация США явно накрыли большинство намеченных для ударов целей, а значит, и у нас пейзажи сейчас расцвечены подобными же «весёленькими» пожарищами.

Между тем минут через десять я визуально засёк что-то вроде многочисленных инверсионных следов прямо и справа у меня по курсу. Начинается...

Уже через пару минут, по мере дальнейшего сближения, можно было констатировать подход со стороны американского континента большого количества воздушных целей. Я насчитал не менее полусотни. На высоте около 20 тысяч метров шло что-то очень крупное, по-моему, штук восемь В-52, ниже эшелонировались ударные машины классом поскромнее. И всё пёрло курсом на Кубу. Похоже, наступал тот самый «последний парад».

– Я «две тройки»! – сказал я в эфир. – Как меня слышите, приём!

– «Две тройки», – отозвался далёкий голос Острова свободы, – слышу вас нормально, приём!

– Наблюдаю более 50 воздушных целей с направления Тампа-Орландо, курсом на Кубу. На предельном потолке до 10 В-52, ниже истребители-бомбардировщики, – доложил я. – Как поняли? Готовьтесь встречать гостей!

– Поняли тебя, «две тройки». Спасибо. Удачи тебе!

– И вам аналогично. Прощайте, мужики!

Рация что-то неразборчиво заперхала в ответ. Но никакого смысла в разговорах для меня более не было. Мне, похоже, предстояло пасть смертью храбрых в этом бою. И ведь я был один в небе Флориды. Совсем один. Советский лётчик в кабине «мига» с кубинскими опознавательными знаками. То есть я здесь, по сути, представлял в одном лице всех коммунистов мира – и СССР, и Варшавский договор, и Кубу. Сам себе и Политбюро, и Совмин, и Хрущёв, и главком Вершинин, и ещё бог знает кто. Но не скажу, что осознание этого факта придавало особую важность моей миссии. Скорее наоборот. В общем, я передовой рубеж обороны социалистического содружества. Правда, надо признать, довольно слабый рубеж. И недолговечный.

И тем не менее, раз ничего другого не остаётся, попробуем повоевать. Я повернул свой аппарат в сторону подлетающей армады «проклятых империалистических агрессоров» и увеличил скорость. Навоюю я, конечно, при любом раскладе не сильно много. У меня всего три пушки – 37-мм Н-37 с боекомплектом в 40 снарядов и две 23-мм НР-23 со 160 снарядами. Плюс к этому довольно примитивный прицел АСП-3Н, относящийся к временам корейской войны, закончившейся почти десять лет назад. Негусто...

Визуально я воздушных целей пока не видел, хотя и шёл на сближение с ними на скорости почти 1000 км/час. Но потом впереди на встречном курсе мелькнуло что-то похожее на реальную цель. Здесь мои движения уже стали походить на действия автоматики. Ниже! Правее! Так держать! А спустя пару секунд я мысленно скомандовал себе: «Огонь!» И, хотя цель в перекрестии прицела я видел ещё плохо, рука послушно нажала гашетку дальнобойной 37-мм пушки, и десять светлых снарядных пунктиров дружно усвистали вперёд, по моему курсу. И, судя по вспышке, через пару секунд вспухшей в небе впереди меня, нашли-таки цель!

Я начал резко набирать высоту, и спустя какие-то секунды ниже меня проскочило нечто горящее, похожее на неряшливую комету, от которой отваливались какие-то куски. Парашюта я не заметил. Точно идентифицировать полыхающее нечто было невозможно.

Далее я заложил левый вираж со снижением, и в ходе выполнения этого манёвра до меня дошло, что я влетел-таки в самую гущу американской ударной группы. Кругом вокруг меня, куда ни кинь взгляд, замаячили в дымном небе белые следы инверсии. То есть целей вокруг меня было хоть отбавляй. Можно бить и на выбор, и без разбора. Вопрос, долго ли я прокувыркаюсь тут, один против всех. Храбрый портняжка, блин...

Понятно, что, к примеру, до ползущих на головокружительной высоте В-52 (их инверсионные следы были мне еле-еле видны) на моём «старичке» я нипочём не дотянусь. До них и новые Миг-19 не очень-то достают. А значит, надо бить то, что ближе. Пока мне самому фатально не дали сдачи.

Между тем ближе всего находилась группа из девяти однодвигательных истребителей-бомбардировщиков.

Свалился я на эту идущую на крейсерской скорости девятку, похоже, совершенно неожиданно для её пилотов. Выскочил так близко от них, что ясно рассмотрел характерные тупоносые силуэты с длинным, загнутым назад килём и широкими стреловидными крыльями, под которыми торчали гроздь бомб и зажигательных баков с напалмом. Более всего вражеские самолёты походили на «Сейбры». Но я отметил для себя, что самолёты были из Корпуса морской пехоты США. На их светло-серых фюзеляжах, помимо белых звёзд на синем фоне, выделялись чёрные надписи «MARINES» и эскадрильные эмблемы в виде красной молнии на белом фоне. На что это похоже? А, вспомнил! Это же FJ-4, или «Фьюри», морской, палубный вариант знаменитого «Сейбра» F-86. Машина не столь известная, как её сухопутный прототип, поскольку её активная служба началась после Кореи, а закончилась раньше, чем в небе Вьетнама начали воевать всерьёз. Ладно, «Фьюри» так «Фьюри». Мы не привередливые.

Я чётко определил ведущего группы – «Фьюри» с чёрными цифрами «16» на фюзеляже и верхушке кия. Ну а зная, с кого начинать, можно было приступить. Я сбросил ПТБ, начисто отсекая себе последнюю возможность к возвращению, и «миг», словно почувствовав облегчение, резко (как мне показалось) прибавил скорость. А через секунду я начал стрелять.

Похоже, эти морпеховские летуны поняли, что их атакуют, только когда разорвались первые мои снаряды. В реактивную эру воздушные бои вообще скоротечны, и всё заняло считанные секунды. Я, стреляя из всех трёх стволов, всадил в них десятка три 37-мм и полсотни 23-мм снарядов.

В основном досталось машине ведущего вражеской девятки. Его «Фьюри», схлопотав десяток попаданий, клюнул носом и красиво взорвался в воздухе. Из огненной вспышки всё-таки вылетело кресло с человеческой фигуркой, над которой чуть позже раскрылся бело-оранжевый парашют. Счастья тебе, дорогой мистер, и долгих лет в том дымном радиоактивном аду, который тянется у нас под крыльями!

Ещё один, получивший пару попаданий, ведомый «Фьюри» начал падать вертикально, показав длинный язык пламени из сопла двигателя, и я быстро потерял его из виду. За третьей машиной, которую, видимо, зацепило лишь слегка (не исключено, что обломками самолёта ведущего), потянулся белёсый шлейф вытекающего керосина. Значит, этот тоже в принципе уже «не жилец». Оставшаяся шестёрка мгновенно освободилась от бомбовых подвесок (далеко внизу, на земле, заплескали вспышки разрывов, добавили сами себе хаоса, придурки...) и, резко увеличивая скорость, разошлась в стороны.

Я, выйдя из атаки, перевернул машину вверх брюхом и начал резко снижаться, понимая, что они очень быстро сориентируются, поймут, что я здесь всего один, и навалятся на меня вшестером. Я здраво оценивал свои дальнейшие шансы весьма невысоко. Но реально всё случилось ещё быстрее.

Едва я выровнял «пятнашку», перейдя в горизонтальный полёт над дымной зеленью земной поверхности, как в кабине замигала лампочка, информировавшая меня о том, что меня облучают радаром, атакуя со стороны задней полусферы, и мои шансы пережить эту атаку, видимо, равны нулю...

Но даже в этой безнадёжной ситуации, когда «наши не пляшут», я сумел напоследок подгадать америкосам. Почему-то первый из атаковавших меня в хвост истребителей (а это оказался «Супер Сейбр» F-100) не стал выпускать ракеты «воздух – воздух», а открыл огонь из четырёх своих 30-миллиметровок. Наверное, решил маленько сэкономить. От его пушечных трасс я кое-как увернулся и, более того, почти нечеловеческим усилием сумел повернуть тупой нос Миг-15 в хвост выходящего из атаки F-100, на доли секунды поймав «Супер Сейбра» в прицел. Почти все оставшиеся у меня в запасе снаряды попали в массивный серебри-

стый силуэт с длинными стреловидными крыльями. Последовала яркая керосиновая вспышка и падение на флоридскую землю ещё одной рукотворной «кометы».

А дальше случилось полное и окончательное «алаверды» со стороны ВВС США. Конечно, первые «Сайдуиндеры» были ещё довольно примитивны в плане наведения на цель и точности попадания. Но попробуйте увернуться от десятка ракет сразу, да ещё на Миг-15бис! Как минимум три ракеты попали точно в цель. Одна, похоже, влетела точно в сопло двигателя, а ещё две или три добавили зрелищности в этот фейерверк, нашинковав зловердный «пятна-дцатый» в мелкие брызги металлического лома. Я почувствовал только сильный удар сзади и больше ничего. И никаких особо неприятных ощущений вроде распада на атомы...

Разбудило меня телебеньканье стоящего на столе внутреннего телефона. Солдат спит, а служба, что характерно, идёт. А вот не фиг сидеть над личными делами подчинённых и прочими документами за полночь, а то сморит прямо за рабочим столом в собственном кабинете среди бела дня, как меня сегодня...

– Да, – сказал я, снимая трубку.

– Товарищ майор, – сказал на том конце провода приятно-эротичный голос красавицы Аньки Макеевой, штабной секретарши в звании младшего лейтенанта. – Вас к начштаба, срочно!

– Иду, – ответил я, повесил трубку, зевнул и посмотрел за окно, где январская позёмка колыхала высоченные сугробы.

Интересно, почему это мне довольно часто снится всякая фигня про войны, которых даже никогда не было? Приснилось бы, как я, скажем, сижу за прицелом поставленной на прямую наводку в заснеженном окопе дивизионной пушки ЗИС-3 и, разрывая ворот ватника, ору не своим голосом: «Снаряд, мать вашу!»

Понимая, что «Тигр», в который я целюсь, всё-таки успеет выстрелить первым...

Так нет же, Куба, Карибский кризис, атомная война...

Впору психиатру показаться, да где его сейчас найдёшь – психиатра-то? У нас нынче каждый сам себе психиатр...

Глава 1. Вызываем огонь на себя. Ну очень дальний рейд

Есть люди, старательно оформляющие местность, по которой ты в последний раз бежишь на пулемёт...

В. Пелевин. Водонапорная башня

Ближайшее будущее. Начало 2020-х. Ангола. Атлантическое побережье. Середина зимы.

– Доведут тебя, майор, эти твои специфические бабы с их специфическими заданиями до столь же специфического цугундера, – сказал мне начштаба нашей бригады полковник Черепанов донельзя назидательным тоном. – Помяни моё слово, доведут.

Своим слегка испитым лицом Черепанов смахивал на нестарую версию известного когда-то актёра М. Ульянова из фильма «Председатель» (если кто сейчас, конечно, вообще помнит про то, что этот фильм и такой актёр вообще существовали в природе), и оттого его речь почему-то напоминала мне собрание в сельсовете, а сам Черепанов – обделавшегося то ли парторга, то ли пророка.

Я же, будучи срочно вызван в его начальственный кабинет, по законам воинской дисциплины молча слушал, ел начальство глазами и рассматривал наградные планки на груди его кителя, а также портреты вождей, висевшие на стене за спиной Черепанова. Не знаю почему, но Первый Маршал на портрете в этой комнате имел лёгкое косоглазие, дефект печати, не иначе...

А срочные вызовы всегда вещь не из самых приятных. Особенно когда после новогодних праздников долгое время занимаешься непыльной бумажной работой в штабе. Хотя до сего момента дела вполне себе шли своим чередом, бригада неспешно (как обычно, отдельными ротами и иногда батальонами) воевала там и сям, по всяким дырам и окраинам. И по итогам новогоднего веселья уже помаленьку накопились и штрафованные.

– Какие бабы-то, Андреич? – спросил я начштаба, изобразив непонимание, в стиле «Тимура и его команды» дедушки Гайдара. – Объясни толком, а то сижу тут, никого не трогаю – и вдруг война, труба, ультиматум...

– Всё шутишь? Ладно. Часа два назад пришла по твою душу шифровка. Хотят тебя «с людьми» на очередное, очень специальное задание, какой-то дурацкий код «Данута». А «Данута» – это, я так понимаю, пресловутая подполковник Голяк из этой грёбаной псевдонаучной конторы?

Здесь я как-то внутренне напрягся. После нашего крайнего разговора с «неистойвой Данкой» в начале осени от неё была только одна депеша, где говорилось лишь о том, что «миссия переносится на весенний период из-за дипломатических и прочих формальностей». Я тогда ещё с облегчением подумал, что раз Канада откладывается как минимум до весны, то, может, и совсем пронесёт от дальнейших встреч и контактов. Ан нет, как оказалось, не пронесло...

– Она самая, – ответил я. – Та, что нас в Сербии и Северной Корее припахала по своим делам. А что?

– Да ничего. Просто я так понимаю, что до того их НИИ было принято посылать подальше. Всеми и всегда. Кстати, любой другой на твоём месте в той же Сербии намертво упёрся бы рогами и скандалил с криком и визгом вплоть до Генштаба и самого Сан Саныча на тему того, что не будет заниматься чёрт знает чем. А ты чего-то особо не возражал...

Попробовал бы он тогда возражать на моём месте, в чужой, хоть и союзной, стране, с минимумом личного состава, да ещё при наличии категорического приказа с самого верха и твоей хучи начальников за моей спиной. Момент этими научниками тогда был выбран удачно.

Для них удачно, разумеется... Оно, конечно, из погреба, да ещё по прошествии времени всегда виднее...

– Да делов-то, – сказал я. – Давай прямо сейчас и напишем ругательную отказывку на тему того, что в гробу мы их всех видели...

– Не получится. Потому что нашему батяне-комбригу за твои действия в интересах этой «Дануты» с самого верха идут сплошные благодарности и поощрения и даже очередной орден на грудь повесили. Ты у нас, майор, как считается кое-кем наверху, великий педагог. Практически гибрид Макаренко с Ушинским или Песталоцци. Поскольку нашёл удачную и удобную для всех форму воспитания и перевоспитания личного состава, допускающего дисциплинарные нарушения. И ты при этом ещё и важные задачи государственного масштаба решаешь, не прилагая особых усилий...

– Это почему вдруг «не прилагая особых усилий»? – удивился я. Ещё больше меня удивило упоминание Черепановым, имевшим среди бойцов кличку Череп или Череп На Рукаве, в критические моменты разговаривающим междометиями и неопределёнными глаголами и порой забывавшим даже имена-фамилии офицеров и сержантов родной бригады (в этом случае он нас всех называл не иначе как «проклятые лентяи», практически как в советских экранизациях Вальтера Скотта), Макаренки и Песталоцци. Хотя Песталоцци он приплёл, явно вспомнив древнюю комедию «Полосатый рейс», а вовсе не от большого ума. Спасибо, хоть Янушем Корчаком меня не обозвал сгоряча...

– Потому что тех, кого ты на свои «перевоспитания» берёшь, всё равно не жалко. Их бы в другой части при том же раскладе под трибунал отдали без колебаний...

– Вон оно что! Ну и тогда в чем проблема, раз я такой хороший?

– Да мутные они какие-то, эти научники. Никогда наперёд не знаешь, чего у них там на уме и что они завтра выкинут. Лично я с ними бы вообще не связывался. Но это моё личное мнение. Может, тебе всё это и вовсе в кайф. Тем более если бы не они с их дурацкими запросами, никто никуда вообще не полетел бы. Керосин нынче дорог, а самолёты и вовсе на вес золота...

– Понятно. Так куда нынче летим? В Канаду?

– Какая, на хрен, Канада?! В Северную Америку сейчас вообще фиг доберёшься, даже если ты не человек с оружием, а неодушевлённый чемодан с дипломатической почтой. Нет. В самую что ни на есть Африку.

– А чуть точнее?

– В Анголу.

– «Он песенку эту твердил наизусть, откуда у хлопца ангольская грусть. Ответь, Ндалатондо, Бенгела, ответь, давно ли по-русски вы начали петь», – процитировал я на это.

– Чего? – не понял Черепанов.

– Стихи, – пояснил я. – Светлов. Михаил. Не тот, который «ту-ту» и «цигель-цигель ай-лю-лю», а тот, который «Гренада». Скорее человек, чем пароход. Прославленный поэт и не менее прославленный алкаш.

– Умеешь ты всё-таки людям мозги сношать, – сказал начштаба с некоторым удовлетворением. – А географию тамошнюю ты, стало быть, помнишь?

– В самых общих чертах. И то только потому, что когда-то внимательно читал про то, как наши с кубинцами в тех краях рубились с бурами да УНИТой, ещё в 1970—1980-е...

– И то, как говорится, хлеб. Что тебе там предстоит делать, знаешь?

– Ну, если в депеше фигурирует код «Данута», то уже примерно догадываюсь.

– И что же?

– А это, товарищ полковник, строго секретная информация, – усмехнулся я. – Если я расскажу, мне потом придётся тебя убить, а потом и самому застрелиться. С меня ещё в Сербии на эту тему соответствующую подписку предусмотрительно взяли. Скажу только, что научников

там интересуют исключительно технические моменты. Кстати, а что там, в этой самой Анголе, вообще произошло?

– Да американцы там вроде бы шустрят.

– Что значит «вроде бы»?

– А то значит, что они теперь не объявляют, кто они такие. Поскольку нынче пиндосы строят счастливое будущее на ограниченной территории, как принято выражаться, «в режиме самоизоляции», а вся эта хренова война с исламистами и прочими террористами вроде как стихийно продолжается, их флот с момента окончания Долгой Зимы довольно регулярно проводит у побережий Южной Америки и Африки то, что они привычно называют невинным термином «типовые миротворческие операции». Баловаться чем-то подобным в Тихом и Индийском океанах им мешает наличие нас, китайцев и того, что ещё осталось от индусов.

– Какие это, интересно, на тамошних побережьях террористы? – удивился я. – Там, по моему, в основном беженцы из заражённых радиацией экваториальных областей обитают. В том числе, кстати, и европейцы. Как правило, несчастные, нищие и больные люди, живущие собирательством да рыбной ловлей. К тому же в большинстве своём совершенно безоружные...

– Вот то-то и оно. Явных террористов там вроде как нет, а операции проводятся. Типа, «для выявления потенциальных террористических групп и их агентуры». Причём в Южной Америке, где в основном всё-таки сохранилась централизованная власть, государства и кое-что ещё осталось от местных армий, пиндосы о таких операциях обычно предупреждают. Дескать, армия и флот США проводят «миротворческую операцию», незаинтересованных лиц просьба не вступать, в случае сопротивления будете уничтожены и т. д. и т. п. Типовая схема для такой операции – подходят корабли, высаживают десант (обычно вертолётный), который блокирует и обшаривает какой-то район, давит тех, кто сопротивляется, потом возвращается на корабли и отчаливает. При этом пиндосы, как правило, захватывают пленных, дальнейшая судьба которых неизвестна. По Южной и Центральной Америке, а также разным карибским островам таких случаев с окончания Долгой Зимы тысячи, если не десятки тысяч. А если про пропавших пытаются хоть что-нибудь узнать, на такие запросы отвечают стандартно: «Указанные лица задержаны по подозрению в террористической антиамериканской деятельности». Совсем обнаглели, короче говоря. А в Африке всё ещё хуже.

– В каком смысле? Куда ещё-то хуже?!

– В Южной Америке всё-таки действует формальный запрет на применение оружия массового уничтожения и прочих стратегических средств в том виде, как это было оговорено в разных совместных документах. Конечно, стратегических средств у них нет ни хрена, но вот кое-какая авиация, тяжёлая артиллерия, а также зенитные и противокорабельные ракеты у латиносов с их нынешними полумёртвыми армиями теоретически могли сохраниться. И это допущение пиндосов, похоже, слегка напрягает. А вот в Африке америкосам даже и не надо никого предупреждать о своих действиях. Сам посуди – Африка ни в одном документе о разграничении сфер влияния вообще не фигурирует. Государства там по большей части то ли есть (тамошние экваториальные области это вообще зона радиоактивного заражения со всеми вытекающими), то ли нет, всё контролируют племенные вожди. Даже в бывшей ЮАР самые спокойные области сейчас те, что контролируются белыми, а есть там и вообще никем не контролируемые районы. А в этот раз пиндосы высадились и вовсе на побережье Анголы. Дальше этого только Намибия – дикое поле, а точнее, одноимённая пустыня, где сейчас правит непонятно кто. И ничего особо ценного, кроме нескольких поселений беженцев, там нет.

– А тогда чего нам там делать? С формальной-то точки зрения?

– А того, что в Анголе всё-таки есть какое-никакое, пусть дохлое, но всё-таки традиционно дружественное нам центральное правительство. По этой самой причине там находится несколько сотен наших, в основном это военно-технические советники и медики. Также там торчит европейский Красный Крест с охраняющим его, очень условным, контингентом евро-

воjak, которые в последнее время опять считаются нашими союзниками. В общем, вы там должны разведать то, что от вас требует эта ваша фигова «Данута», и параллельно мониторить ситуацию. А то, не дай бог, пиндосы увлекутся сверх меры, и кто-нибудь из наших или европейцев под внеочередную раздачу попадёт... Покойники или пропавшие без вести для нас крайне нежелательны. Опять-таки, если пиндосы вдруг применяют в местности, находящейся вне договорной юрисдикции, как они сами любят выражаться, «избыточную силу», любой имеет право им ответить в полный адекват. Правда, у Анголы армия фатально дохлая, её считай что совсем нет. Но тем не менее кое-какие мысли на этот случай у высшего командования уже есть... Надеюсь, ты меня понял?

– В общих чертах. Когда летим и какими силами?

– Отбери человек пятнадцать-двадцать, больше ты всё равно не найдёшь. Да я так думаю, что больше и не надо. Вылет по готовности, в течение суток. Американская операция идет уже вторые сутки, и окончания её пока не видно. Хотя пару поселений, как докладывают нашим ангольцы, они уже оставили. Но там якобы обнаружилось много непонятного. В общем, на месте разберёшься...

– И кого мне брать на дело?

– Как будто ты не знаешь! Естественно, в первую очередь рассчитывай на твоих проштрафившихся и трудновоспитуемых.

– А если кто добровольно вызовется?

– Да ради бога, только вот тут давай без фанатизма. Особо ценных специалистов старайся не привлекать. Оружие и снаряжение получишь любое, какое сочтёшь нужным, естественно, из того, что есть у нас в наличии. Соответствующий приказ подписан, на сборы тебе двадцать четыре часа максимум, время пошло. По готовности доложишь.

Судя по всему, заданище предстояло ещё то. А если приказ исходит от «неистойой Данки», значит, следует ждать «близких контактов третьего рода» со всяким неприятным стреляющим железом, в тайны мозгов которого наша военная наука ещё, похоже, не проникла. А значит, надо брать с собой адекватную убивалку.

Постояв несколько минут на дворе под ленивым январским снежком, я поправил ушанку, застегнул утеплённый бушлат и потопал «собирать ополчение», словно Минин с Пожарским. Начал, как обычно, с командного состава.

Тупикову я не без груда нашёл в парке техники, где она в очередной раз «отбывала наказание». Два лысопогонника из последнего призыва, одетых поверх необмятой камуфляжной формы в великоватые спецовки, сосредоточенно подновляли камуфляж на одном из стоявших в боксах «Спрутов». Якобы руководившая ими и процессом окраски Машка, безмятежно сопя, дрыхла на броне соседней машины, плотно завернувшись в зимний бушлат и караульный тулуп поверх сложенного в два слоя брезентового чехла (в боксах с техникой было холодно).

– Па-адъём! – скомандовал я.

– А в лоб? – спросила Машка с брони сквозь сон.

– Вставай, дочь гвардейской бригады, а то выгребу и мехом внутрь выверну, прям здесь! Лысопогонники, бросив работу, мгновенно приняли строевую стойку.

– А, тарищ майор, – зевнула Тупикова, лениво открывая один глаз. – Никак опять воспитывать будете?

– Тебя, радость моя, воспитывать – всё равно что дерьмо мельхиоровой ложкой кушать.

– Это в каком смысле?

– В смысле – противно и никакого удовольствия. Кстати, на какую тему тебя в этот раз полагается воспитывать?

– Чиво?

– Чем провинилась, красавица?

Здесь я спросил абсолютно искренне. То, что Тупикова опять куда-то влипла, я, конечно, знал, а вот подробностями поинтересоваться как-то не успел.

– Да ничем. Отмечали Новый год, ну, это дело слегка затянулось. Ну, потом сыграли в картишки, сперва на желания, потом на раздевание. А этот дятел опилочный, кэп Колмогоров из финчасти, отказался догола раздеваться, хоть и проиграл.

– И что?

– Ну, мы ему объяснили, кто он после этого. Он в драку, я ему в фейз. Ушёл домой с расквашенной рожей...

– И это всё?

– Нет, тарищ майор. Прибежала эта дура, ну баба евоная...

– Кто-кто?

– Ну, жена. И тоже драться полезла, жучка, всё маникюром своим мне в глаза нацеливалась, сусанна буева. Мол, мы тут все проститутки-извинитутки, спаиваем её правильного Лёшеньку, то да сё. А я, типа, среди прочих первая оторви да брось...

– А ты что же?

– Ну, пришлось её слегка обездвижить. А меня потом сначала под арест, а потом на хозработы...

– Понятно. Всё с тобой ясно. Давай слезай с подводы, героиня-подводница, тебя ждут великие дела!

– Это какие? – искренне удивилась Машка, уже окончательно проснувшись и спрыгнув с брони на бетонный пол.

– Секретные. Называется, привет нам всем от Данки...

– Чё, опять?

– Не опять, а снова, товарищ лейтенант.

– Мать твою егти... А куда на этот раз?

– В Африку. На гору Фернандопо, где гуляет Гипопо по широкой Лимпопо, с вот таким вот Симпопо...

– Ух ты?! А я там ещё не была!

– Да, честно говоря, и не надо бы. Невелико счастье. И так дура дурой. А уж если тебе там, к примеру, голову напечёт африканским солнышком...

– А чё вы сразу обзываетесь, тарищ майор?

– Я не обзываюсь, лейтенант Тупикова, а факт констатирую. И давай уже без обид и прочего мозгового онанизма. Уяснила?

– Так точно!

– Значит, так. Вот тебе список тех, кто в последнее время проштрафился по дисциплинарной части. Первым делом найди Хамретдинова, он сейчас в штабе, на втором этаже, у секретчиков должен груши околачивать. Вот на пару с ним и отберите десятка полтора кандидатур для весёленькой поездки в жаркие страны. На всё про всё вам с Рустиком два часа. По исполнении доложить. Я пошёл тереть тему про оружие и амуницию. Вопросы?

– Никак нет!

– Тогда давай шевелись.

– Так точно!

Рывкнув промышленно-окраинным дурноматом на лысопогонников (от чего они продолжили свои малярные работы с удвоенной энергией), Машка убежала.

Я тоже направился было к выходу, но тут меня окликнул смутно знакомый девичий голос:

– Товарищ майор!

Я обернулся. Ко мне спешила Светка Пижамкина, участница нашей сербской «экспедиции». В полном зимнем обмундировании и великоватой ушанке. Даже с портупеей через плечо

и кобурой на боку. Лицо пониже ушанки у неё было, как сказал бы поэт, «свежее и одухотворённое».

– Здравствуй, Светлана! Как служба?

– Здравствуйте, товарищ майор! Служба нормально. Разрешите обратиться?

– Обращайся.

– Я тут ваш разговор краем уха слышала. Скажите, а мне с вами нельзя?

– А на фига тебе с нами? Ведь там убить могут даже вернее, чем здесь. За экзотикой гоняешься? Думаешь, твой труп с лишней дыркой во лбу или в торсе, распластанный на фоне африканской саванны, будет смотреться донельзя сексуально и фотогенично? Нынешняя Африка – это не крокодилы-бегемоты-обезьяны-кашалоты, а языческие культы с человеческими жертвоприношениями, голодуха вплоть до людоедства, грязь, кишечные паразиты, СПИД, эбола, лучевая болезнь и прочие аналогичные «прелести»...

– Да нет. Это я понимаю. Просто всё Сербию вспоминаю...

– Типа, понравилось?

– Не то чтобы понравилось. Просто там нескучно было.

– Со скукой борешься? Ну-ну. Хорошее дело. Смотри только не пожалей потом.

– Не пожалею, товарищ майор, – ответила Светка и как-то по-особенному посмотрела мне в глаза. Ох, не люблю я такие взгляды...

– Ну, как скажешь. Ты, умница-красавица, у нас за рембатом числишься?

– Так точно!

– Тогда сейчас иди к своему непосредственному начальству. У вас там кто – Тогучин, что ли?

– Так точно!

– В общем, доложи, что собралась с нами на задание. Добровольно. Если потребуется – напишешь соответствующий рапорт. И если они сильно возражать не будут – я не против. А я сейчас насчёт твоей кандидатуры позвоню начштаба. И давай тогда быстренько, поскольку времени на сборы минимум. Вылет в течение суток. Всё поняла?

– Так точно!

– Тогда свободна!

Глядя в спину убегающей Светке, я подумал, что, с одной стороны, квалифицированный снайпер нам не помешает, а с другой – вдруг это не просто борьба со скукой? Вдруг это ещё одна девочка, которая любит «военных-красивых-здоровенных»? А я хоть и военный, но не очень красивый и не сильно здоровенный. Честно говоря, с меня и одной Машки Тупиковой достаточно. Хотя кто их поймёт, этих девок...

Через два часа Тупикова аккуратно доложила диспозицию. Со мной в списке было семнадцать человек.

Офицеров набралось трое – Тупикова в качестве моего заместителя, Пижамкина и лейтенант Симонов. Я, откровенно говоря, даже не сразу вспомнил, кто это. Симонов был из новеньких. В бригаде недавно начали формировать собственную аэромобильную составляющую, и под это новое дело нам прислали нескольких «универсалов» – офицеров, которые были одновременно подготовлены как пилоты самолётов, вертолётчиков, водители любой наземной техники и вроде бы даже каких-то катеров. Такой вот «спец широкого профиля». А под арест на пару суток он попал, когда после Нового года шлялся в гражданке по расположению и попался на глаза кому-то из начальства. То ли нахамил, то ли поддатый был, то ли и то и другое, чёрт его там знает. Но в Машкиной бумажке было помечено, что Симонов на это дело подписался добровольно, хотя свои двое суток на «губе» он уже честно отсидел.

Далее – сержанты и рядовые. Хамретдинов, вечный «комсомолец-доброволец». Старший сержант с забытой краснокомандирской фамилией Алан Киквидзе, то ли осетин, то ли абхазец. Этот традиционно попадает под раздачу за половой гигантизм. Старший сержант Георг

гиев, классный радист и специалист по РЭБ, попался на том, что спёр чего-то из радиодеталей для личного пользования. Поплатился даже не за то, что украл, а за то, что друзей-приятелей неправильно выбирает – стукнули на него. Хорошо хоть комбригу, а не особистам. Сержанты Шухов, Тауров и Мамонтов – из разведбата, самоволка и последующая драка. Если бы со штатскими, так фиг с ними, но они патрулю из соседнего мотострелкового полка рёбра и зубы пересчитали. Кроме того – младшие сержанты Ахметгареев, Балясин, Сулимов, Васьянов, ефрейтор Зеленов, рядовые Хасанов и Микулин. Данная «группа товарищей» угодила в кутузку за «соревнование», которое устроили эти клинические идиоты. Во время регламентных работ на технике сцепили кормой БТР-82 и БМП-1П и заспорили на тему «кто кого перетянет». Хорошо хоть ничего сломать не успели. Заставший их за этим делом зампотех орал так, что его было слышно за два километра. В общем, весёлая подбирается «компашка», как всегда...

Ещё через два часа мы на двух грузовиках уже ехали на наш аэродром. Выглядели мы своеобразно, поскольку нас обрядили в летние матерчатые берцы и новые мелкосерийные тропического образца масккомплеты «Саламандра» (с встроенной противопульной защитой, усилениями под снаряжение и спецпокрытием – ткань негорючая и противорадиационная, да ещё и, по ходу дела, слегка меняющая цвет и оттенок под фон окружающей местности), поверх которой пришлось надевать утеплённые аноракки и шерстяные шапки – всё-таки на дворе конец января, уральская зима в её самый лютый период.

Вооружились соответственно задаче. Сапёрные причиндалы, состоящие в основном из взрывчатки и различных взрывателей, а также кое-каких средств для разминирования. «Калаш» (Тупикова, как видно, из принципа взяла свой обычный «Никонов»), подствольники, оптика, бронебойные пули свежего выпуска. Плюс пара «печенегов», пяток «киржачей», новейший ПЗРК 11К449 «Жало-М» с десятком ракет, полсотни одноразовых гранатомётов и огнемётов и новомодное сверхдальнобойное снайперское бахало ВСВ-101 калибра 20 мм (пули какие-то новые, продвинуто-супербронебойные с вольфрамовым или ещё каким сверхтвёрдым сердечником). Правда, стрелять из этой тяжелой штуки в нашей группе умели, по-моему, только Тупикова, Пижамкина и Рустик. Первая научилась, потому что просто любит стрелять, вторая потому, что профессиональный снайпер, а Хамретдинов, по-моему, из чистого любопытства. Кстати говоря, Светка Пижамкина взяла с собой какой-то персональный снайперский ствол, более всего похожий на новейший ВСК-97 «Сполах», заботливо упакованный в чехол.

Доехали мы быстро. На нашем Еловохолмском аэродроме терпеливо ждал резко выделявшийся на фоне вертолёт, некрупных Ан-26 и Ил-112 и оставшегося ещё с Долгой Зимы живописного кладбища гражданских самолётов здоровенный Ил-76МДМ-2, в стандартной серо-белой окраске, с гражданскими регистрационными номерами и трёхцветным «бесиком» на киле. Обычная вещь для транспортников, чтобы никто с первого взгляда не догадался, военный это борт или гражданский. Это ценная маскировка, особенно теперь. Как оказалось, чтобы как-то дополнительно мотивировать наш дальний перелёт, самолёт по максимуму нагрузили медикаментами и прочей «гуманитаркой» для наших госпиталей в Анголе, коли уж там произошла резкая вспышка боевых действий. Кроме того, в грузовой кабине «ила» были смонтированы дополнительные баки с горючкой – лишние поганые сюрпризы при пересечении радиоактивных помоек экваториальной зоны пилотам явно были не нужны.

Там в случае вынужденной посадки надеяться вообще не на кого и не на что...

– Грузитесь, гвардия, – сказал мне командир «ила», улыбочивый блондинчик в тёртой кожаной куртке, капитан с вполне подходящей авиационной фамилией Вершинин. – И размещайтесь как следует, дорога у нас дальняя.

Как говорится, напугал. Вот если бы нам с парашютами прыгать пришлось – это была бы та ещё проблемка, а так, можно даже сказать, вполне комфортные условия.

Сам я с парашютом в боевых условиях прыгал всего один раз, в начале своей службы, под Каратоном, и вынес из этого самые что ни на есть неприятные впечатления. Болтаешься

на стропах под этой тряпкой, как бройлер на разделке, смотришь вниз, где время от времени посверкивает автоматная «сварка» (и пульки вокруг тебя иногда посвистывают), и молишься, чтобы только никто внизу правильное упреждение не взял и тебе в зад девять граммов не влепил...

Нет, ребята, ну его на фиг, по-моему, есть более простые, дешёвые и менее экзотические способы самоубийства. Если сильно приспичит, конечно...

В общем, меньше чем через час мы порулили на старт. Резво оторвались от заметённой позёмкой полосы, и тупой нос «ила» нацелился в южном направлении, в сторону далёкой Луанды, до которой нам было самое малое двенадцать часов лёту. Как пелось когда-то давно в известной песне, самолёт на Африку отчалил...

Большинство моих подчинённых ещё до старта расплзлось по грузовой кабине, припавливаясь дрыхнуть. Оно и понятно – солдат спит, а служба, что характерно, идёт. Правда, в плохо отапливаемой грузовой кабине, да ещё на жёстких скамейках это, конечно, затруднительно, но поскольку нас было мало для такого крупного аппарата, здесь вполне можно было попробовать спать лёжа, на контейнерах с медикаментами, свёрнутых брезентовых двигательных чехлах или на тех же скамейках.

Я поначалу тоже задремал на почве нервного напряжения последних часов. Хотя полноценно спать при постоянном режущем свисте движков я так и не научился. Мы в последнее время всё-таки летаем весьма нечасто. Это у пилотяг или той же вздвэшной десантуры должно быть полное привыкание к подобным некомфортным условиям. Мне показалось, что подремал я вроде бы недолго. Но посмотрел на часы – оказывается, почти три часа прошло. И тем не менее было ещё лететь и лететь.

Пока что «ил» набирал высоту, уже практически войдя в экваториальную зону (её отдельные наши шутники ещё звали «Мёртвая Зона», по Стивену Кингу) – проклятый памятник раздолбайству заокеанских идиотов. Ведь, если подумать, наверное, можно было обойтись и без всего этого. Так нет, надо было сначала поссориться с Россией и Китаем, потом усугубить всеобщий кризис и проморгать правые перевороты по всей Европе, спровоцировавшие масштабное исламское восстание. Ну а потом – Иранская кампания, Корея, ядерные удары, Долгая Зима и всё прочее. И оно им надо было? Засрали радиацией и прочей дрянью обширные территории, ухайдакали кучу народа, а толку-то? Зато до сих пор про себя думают, что они кругом правы. А это их коронная болезнь, которая, увы, не лечится...

Так и представляется, как мы сейчас летим, а где-то там, внизу, среди шлаковых пустошей, руин и радиоактивных песков стоит и смотрит на тонкий инверсионный след нашего «ила» какой-нибудь тамошний «татуинец» – «песчаный человек», замотанный в тряпье дикарь (ну или личность, стремительно превращающаяся в этого самого дикаря) с ржавой заточкой в руках. Интересно, что он при этом думает, и очень хорошо, что нет у него под рукой никаких зенитных средств, а то он бы нам, чего доброго, показал кузькину мать...

Поразмыслив таким образом, я от нечего делать достал из кармана затрёпанную тонкую книжку в мягкой обложке и начал читать, что впопыхах, при очень условном желтоватом кабинном освещении, было занятием не из самых приятных.

Какое-то время внимание это моё занятие не привлекало. Часть личного состава всё-таки дрыхла. Например, Симонов и Пижамкина спали вполне себе безмятежно. А потом из-за грузовых тюков ко мне поближе почти одновременно полезли сразу две фигуры – Машка Тупикова и Рустик. Ну вот как тут не поверить, что читающий человек сейчас подсознательно вызывает смутные подозрения у окружающих? Дескать, «тиллигент, шляпу надел»...

– А чё вы читаете, тарищ майор? – поинтересовалась Машка, усаживаясь рядом.

– Старая юмористическая книжка, ещё с 1990-х. У нас в Краснобельске написали два доморощенных юмориста, причём мужики были совсем не писатели – один историк, второй авиационный инженер. Ходила эта вещь по рукам, и то, что я сейчас читаю, это, в общем-то,

то самое, что некогда именовалось словом «самиздат», поскольку история эта всем нравилась, а вот печатать её официальные издательства отказывались, так как считали это опошлением истории Гражданской войны. Хотя куда уж эту историю дальше-то опошлять...

– Так про чё книжка-то? – спросила Машка.

– Вполне остроумная пародия на сюжет известного фильма «Чапаев» 1938 года, режиссёры Васильевы, которых почему-то считали братьями. Видела такое кино?

– Не-а.

– Я видел, товарищ майор, – подал голос подсевший ко мне с другой стороны Рустик. Машка посмотрела на него с заметным уважением.

– Ну тогда хоть тебе должно быть понятно, про что это. Сюжет фильма книжка, в общем, повторяет, а если точнее – там про то, как бывший поручик Ржевский в чапаевской дивизии во время Гражданской войны военспецом служил. Ну и плюс к этому там герои из других фильмов присутствуют – Сухов и Верещагин из «Белого солнца пустыни», англичанин с танком из детского сериала «Макар-следопыт» и другие...

– Это какой Ржевский? – поинтересовалась Машка. – Из анекдотов?

– Ну, типа того. Вообще-то поручик Ржевский появился не в анекдотах...

– В «Гусарской балладе», – добавил Рустик.

– Правильно. В фильме Э. Рязанова 1962 года, а одноимённую пьесу написали ещё в 1940-м. Поставили впервые в конце 1941-го, в Театре Красной армии. При этом анекдоты типа тех, что рассказывали о поручике Ржевском в России, появились ещё в начале XX века, только фигурировал в них тогда не поручик Ржевский, а румынский офицер...

– Почему румынский? – искренне удивилась Машка.

– Потому что в те времена не было в Европе большего цирка шапито, чем румынская армия, и больших раздолбаев, чем румынские офицеры. Вкурила?

– Ага. Только, может, вы, тарих майор, вслух прочтёте, а то я всё-таки совсем не въезжаю...

– Да легко.

И я, открыв затрёпанную книжку наугад, зачитал:

«...Петька застал Анку за её любимым делом – разборкой очередного, одиннадцатого по счёту, пулемёта системы «Максим». Разбирать пулемёт она, как барышня городская и грамотная, более-менее научилась, а вот с обратной операцией дело было плохо: всё время оставались лишние детали. Но что самое неприятное, после Анкиной сборки пулемёты отказывались стрелять, и их приходилось попросту выбрасывать, поскольку сменять у местных поселян на харчи и самогон удалось только три штуки. Петька же, хотя и считался лучшим в дивизии пулемётчиком, помочь ей ничем не мог, поскольку умел только устранять перекося патронной ленты, а в более тонкие подробности устройства автоматического оружия никогда не лез. Он вообще подозревал, что тут не обходится без домовых, леших и прочей нечистой силы. Анке же, которая утверждала, что пулемёт целиком железный и пуляет безо всякой дьявольской или божьей помощи, в доказательство чего она даже демонстрировала некоторые его детали, Петька не верил. Баба, считал он, слабый пол, ни хрена в жизни не смыслит...

Он подкрался к Анке с тылу и ущипнул её за задницу. Анка взвизгнула и рассыпала по полу детали пулемёта.

– Тебе бы всё только шишупать, – возмущённо заявила она. – Чего припёрси?

– Чапай в разведку послал...

– Опять за «языком», што ли? – зевнула Анка. – Катись, там твой беляк на речке второй час с удочкой сидит. Винтовку-то не бери, шишо утопишь... Лучшие захвати половик, на забор-то повесь, обратно пойдёшь – сымешь.

Петька вздохнул и вышел из избы.

Анка его не обманула: бородатый казак с удочкой сидел на прежнем месте, а его винтовка стояла, как обычно, прислонённой к дереву.

– Привет, дядя, – сказал Петька, подбирая винтовку и закидывая её себе на плечо. – Это я забираю в виде вещественного доказательства.

Казак даже не обернулся.

– Ну, ты, это, дядя, приходи вечером в штаб, как обычно... Придёшь?

– И чего это твоему Митьке опять приспичило? – поинтересовался Петька.

– Вустриц, – ответил казак.

– Ага, – почесал Петька в затылке. – Ну лови, лови, а только, пока поймаешь, он и впрямь помереть может. От старости.

Исаев повернулся и пошёл обратно в Кукуево, соображая по дороге, что же это за вустрицы такие?

Вечерело. В сгущающихся сумерках на окраине Кукуева спорили между собой двое дозорных. Разговор шёл в основном о том, чего Чапай могёт, а чего не могёт. После длительных препирательств красноармейцы пришли в основном к закономерному выводу, что Чапай могёт много, но очень много и не могёт, особенно ежели закуска не та. А если б ему ещё заграничные языки знать...

В кустах зашуришало. Один из дозорных развернул пулемёт, передёрнул рычаг затвора и, злорадно ухмыляясь, разрядил по кустам чуть не половину патронной ленты. Через минуту из кустов, отряхивая с себя посечённую пулями листву и щепки, выбрался Фурманов.

– Что ж ты опять промазал, – констатировал он. – Учишь вас, учишь... Уж не брался бы, раз бог таланту не дал...

Боец густо покраснел. В кустах снова зашуришало.

– Опять, итолича, Петькин беляк лезет? – вздохнул второй дозорный. – А ну, выходи!

Из кустов вылез здоровенный бородатый казак при полной белогвардейской форме. Правый глаз у него был подбит. При виде комиссара и красноармейцев физиономия его искадила довольная обезьянья ухмылка.

– Старый знакомый, – констатировал Фурманов. – Опять...

– Насчёт. Психической, – пояснил казак.

Дозорные обречённо выматерились.

В чапаевском штабе к этому времени собрался весь командный состав дивизии, включая Ржевского и непроизносимого латышского особиста. Всех интересовало, чего нового расскажет «язык» на этот раз. Дверь отворилась, и в момент, когда за Фурмановым в избу всунулась знакомая бородатая личность, начдив инстинктивно скривился, как от чего-то невыразимо кислого.

– Ну, – спросил начдив бородатого, – хто тебе глаз подбил?

– Мытька. Брат, – разъяснил бородатый Петрович. – За вустриц.

Начдив хохотнул:

– Ну, и чего теперь скажешь нового?

– Они. Атаку. Задумали, – медленно выговорил казак, боязливо втягивая голову в плечи. – Пси...психическую...

При последних словах лицо Чапаева исказилось.

– С-сука!!! – заорал он, выдернув из-под себя табуретку и шарахнув её об лоб Петровича. Табуретка разлетелась вдребезги. – Десятый раз тебя Петька отпускает, десятый раз ты приходишь, а толку?! Ты што, окромя своей «психической атаки» других слов не знаешь? Я от этих психических атак сам скоро психом стану!!!

Петрович упал на колени и зарыдал басом. Фурманов прижал его голову к своему животу и, глядя языка по головке, с вызовом заявил начдиву:

– Александр Македонский тоже был великий полководец, но зачем табуретки ломать?!
– Македонской? – сощурился начдив. – Кто такой? Почему не знаю? Я всех великих полководцев знаю! Суворов, к примеру. Как он там: «До первой звезды нельзя!» Так, што ли? Или Наполеон, во мужик был – по нему прямой наводкой, а он спокойно фуражку по уставу поправляет...

– Александр Македонский давно жил, – пояснил Фурманов, выпроваживая успокоенного Петровича за дверь. – Про него в академии учат, которую ты не кончал... «Покорил он Парфянское царство, но войско его погрязло в распутстве и, отягощённое богатой добычей, не могло двигаться дальше. И тогда повелел он собрать все трофеи и сжечь. И пошли они дальше, и покорились им земли Персии, Бактрии и Индиш...»

– Ты ещё про Тамерлана вспомни, – хохотнул Ржевский.

– А ну, хватит базлать! – заорал Чапаев, ударяя табуретной ножкой по столу. Стол треснул. – Думайте лучше, чаво делать! Мне энта хреновина с Дерьмовкой поперёк глотки! А тута ишиио Жихарев, жидовская морда, мост рванул, чего мы теперь до последней капли крови отстаивать будем?

– Чего думать-то, – вздохнул Ржевский. – Вот утром рассветёт, заведём аэроплан и слетаем на разведку...

– Так атака же, – удивился начдив, – психическая, мать её так!

– А то я привычек господ офицеров не знаю, – зевнул военспец. – Пока встанут, пока опохмелятся, когда ещё до этой атаки дело дойдёт... Только поздно будет...

Рустик заржал. Не так чтобы очень искренне, но чувствовалось, что он действительно смотрел любимый некогда фильм советского народа и всё-таки хотя бы понимает, о чём речь. Машка только вежливо улыбнулась.

– Не, – сказала она. – Чёй-то я не вкуриваю. Наверное, потому, что я это кино не видела.

– Ты вообще-то чего-нибудь, кроме «Дом-2» или «Властелина Колец» с «Гарри Поттером», когда, как ты выражаешься, маленькая была, смотрела? – спросил я жалостливо.

– Смотрела, но вашего «Чапаева» точно не видела...

– Нашего... Эх, девонька... Это вообще-то наша общая история. А литература про то время вообще кладёзь романтических героев – Чапаев, Котовский, матрос Железняк, Павка Корчагин, семейство Турбиных, Григорий Мелехов с Аксиньей и прочие Рощины – Телегины – Левинсоны – Живаги, которых можно неделю перечислять. И про них приличные книжки, между прочим, были, умными людьми написанные.

А запомнились и дошли до наших дней в основном почему-то анекдоты... А вот из нас с вами, мальчики и девочки, романтических героев точно не получится, даже в стиле поручика Ржевского...

– Это почему, тарищ майор? – удивилась Машка.

– Эх, Машенция... Уж больно времена другие. Анекдоты про наши подвиги точно не сочинят. А если про всех нас и эту долбаную войну, в которой мы участвуем, кто-нибудь когда-нибудь попытается написать мало-мальски честную книгу, рафинированный эстет-читатель скривит рожу от наших с вами образов. И скажет, что образ российского солдата в данной книге весьма непрезентабелен, а мы с вами вообще не герои, поскольку таким героям нельзя сопереживать, и добавит, что, читая эту, с позволения сказать, книгу, он искренне хочет, чтобы все её действующие лица побыстрее сдохли, и плохие и хорошие. И возможно, будет прав, поскольку нынешняя война никакой романтики не подразумевает, она вообще не для слабонервных и человеколюбивых. Даже методы её ведения будут вызывать у иного читателя-эстета оторопь. Он, к примеру, спросит: «А чего у вас всё минируют направо и налево? А оттого, что мин на складах до фига, и почему бы ими не отгородиться от кое-кого, особенно если этот «кое-кто» хуже зверья? Или электромагнитное или тактическое ядерное оружие. Зачем, мол,

применяем его по любому поводу? Ответ тоже простой – устаревших тактических боеголовок на складах осталось полно, чего же они лежат мёртвым грузом, раз все запреты давно сняты? А электромагнитные дела – вещь новая, и её лучше всё-таки испытывать на поле боя, на живых мишенях, а не в лабораториях, это тоже все понимают... В общем, наверное, не будут про нас с вами книжки писать, хотя мы на этой войне просто солдаты, которые честно делают своё дело. Как-то так. Понятно?

– Ага.

В общем, на этом наши «литературные посиделки» стихийно завершились. Я убрал книжку подальше в рюкзак, а разговор наш плавно перешёл в обычные «тёрки за жизнь». Я уже давно уяснил, что мои подчинённые живую беседу воспринимают лучше, чем чтение чего-нибудь печатного. А если с ними целенаправленно проводить что-то, похожее на нормальные политзанятия, они или вообще засыпают, или начинают думать о том, что было бы, если бы лето звалось зимой, а зима летом, как герой Войновича солдат Чонкин на тех же политзанятиях... Ну а армия, она вообще сродни деревне, где все всё и про всех знают. Поэтому послушать сплетни всегда полезно, особенно для человека, чья должность в прежние времена имевалась «замполит».

В общем, послушав какое-то время Машкины байки на тему, кто у нас кого, с кем и в какое место, а также кто кого любит, а кто кого нет, кто крадёт со склада крупу, а кто ГСМ, кто по жизни козёл, а у кого просто морда противная, я слегка притомился и решил сходить в пилотскую кабину.

Встретили меня там вполне приветливо – за стёклами было яркое солнце и голубое небо с редкими облаками, особенно резавшее глаза после серого, снежного, январского неба, которое буквально давило на нас при старте. Экипаж лениво посматривал на приборы и попивал растворимый кофе из термоса. По прежним временам – дерьмовый дешёвенький напиток, а по сегодняшним – почти что роскошь. Оно и понятно, нынче кофе, что в зёрнах, что в виде «растворяшки», бывает в основном в армейских пайках. На гражданке же сейчас и приличный чай – жуткий дефицит...

– Как дела, майор? – спросил со своего левого, командирского, места Вершинин. Атмосфера в кабине была расслабленная, поскольку «ил», похоже, спокойно пилил себе по маршруту на автопилоте.

– Дела, капитан, у военной прокуратуры. Ты лучше скажи, шкипер, каких-либо сюрпризов на маршруте стоит ожидать? Долетим без проблем?

– Каких таких сюрпризов?

– Ну, типа перехвата непонятно чьими истребителями или пуска зенитной ракеты.

– Не ссы, майор, довезём в лучшем виде. Мы всё-таки в эту Луанду не в первый и даже не в десятый раз летаем, расслабься. ЗРК в Африке сейчас, считай, нет. А те, у кого что-то такое ещё осталось, явно берегут ракеты и ресурс радаров на самый крайний случай. А перехват – кем и чем опять-таки? Наши главные супостаты военные базы за своими границами утратили, а уцелевшие авианосцы из гаваней практически не выводят. Раз спутников нет, а радары и разведывательная авиация видят недалеко, они стараются не подставляться. Тем более что на Мировой океан все последние псевдомирные договоры не распространяются, и по ним хоть из-под воды, хоть с воздуха запросто может стукнуть любой, кто имеет соответствующее вооружение и почему-либо считает их действия враждебными. Да и рэбовская аппаратура у нас, кстати, тоже работает. Так что не бойсь...

Тут он был прав на все сто. Ведь никто же до сих пор не знает, куда делось всё английское и часть французского ядерного оружия, а также энное количество американских тактических зарядов из числа когда-то складированных в Европе. Про химическое и бактериологическое оружие я не говорю. По идее, оно должно было осесть в руках у разных исламских «плохих», которые не факт что передохли во время Долгой Зимы. А значит, оно ждёт своего часа,

и на такую лакомую цель, как американский атомный авианосец или любой другой крупный корабль, «плохиши» ядерного заряда, в случае чего, не пожалеют. Курбаши найдут и исправный истребитель для подвески атомной бомбы, и керосин для него, и полусумасшедшего камикадзе, чтобы в кабину усадить. Как говорится, дедушка-то старей, ему всё равно...

Ну а в общем-то, Вершинин меня не обманул, хотя дорога нам всё-таки выпала более чем длинная.

И тем не менее в положенный час за стёклами кабины возник шикарный сиренево-алый, типичный для тропических широт, но недоступный нам, северным жителям, практически лишённый полутонов рассвет. Солнце вставало над горизонтом, щедро отливаясь в океане всеми красками радужного спектра.

А потом внизу обозначилась V-образная серая посадочная полоса с ответвлениями рулёжек, резко выделявшаяся на фоне зелёной травы и череды серо-коричневых строений, окружавших аэропорт, который в Луанде был, похоже, прямо в черте города. Справа, за городскими постройками, отсвечивала в рассветном солнце береговая линия с полосой прибой.

– Товарищи пассажиры! Авиакомпания «Воено-воздушные силы Российской Федерации» рада приветствовать вас в Луанде, аэропорт «Кветро Феррейро»! – бодро доложил по громкой связи Вершинин. – Прибываем, гвардия! Всем привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни!

Когда «ил» уже бежал по ВПП, я обратил внимание на торчавшую в капонире у среза полосы обшарпанную «Шилку» под маскировочной сетью, нескольких тощих черномазых солдат, слонявшихся вдоль полосы (на садящийся «ил» внимания ноль!), в разномастном камуфляже, и массу брошенных гражданских лайнеров, в беспорядке торчавших за здешними рулётками, куда их стащили, по-видимому, уже очень давно. Среди них, по-моему, был даже один гигантский А-380, а принадлежали все эти «боинги» и «аэрбасы» самым разным владельцам – по остаткам яркой маркировки на киях и фюзеляжах я определил десятка два авиакомпаний, от европейских до арабских и карибских.

Хотя чего я удивляюсь, ведь должны же были беженцы из накрытых ядерными ударами экваториальных областей как-то добираться сюда? А за Долгую Зиму весь этот обширный авиапарк, разумеется, пришёл в полную негодность – ни запчастей, ни керосину, да и летать некому. Подержи авиалайнер полгода без должного ухода под снегом Долгой Зимы – что будет? Правильно – полная опа. Собственно, по всем аэропортам бывшего «цивилизованного мира», особенно в Европе, сейчас наблюдается абсолютно та же картина...

До самолётов ли сейчас, когда даже и железные дороги не везде функционируют?

Когда «ил» зарулил на стоянку, двери грузовой кабины открылись и наконец-то опустилась задняя аппарель, на нас со всех сторон потекла тропическая жара. После почти двадцатиградусного уральского мороза жара под плюс тридцать – вещь непредставимая. Выбравшись со своим рюкзаком, бронежилетом (этот советского ещё образца броник, подарок одного хорошего человека, я таскал с собой по всем фронтам, поскольку ещё прежний владелец считал, что эта «кольчужка» счастливая) и автоматом на полосу, я нацепил на голову выцветший камуфляжный кепарь (не хватало ещё с непривычки солнечный удар заработать) и долго утирал пот, слушая, как за моей спиной Тупикова подгоняет и строит выгружающийся личный состав (есть у данной девушки одна хорошая черта – если уж она начинает руководить, то делает это серьёзно и на совесть, жаль, что во всём остальном Машка эту серьёзность не всегда проявляет).

Мир вокруг медленно обретал цвета, звуки и запахи. Запахи, впрочем, были не самые приятные – дувший на аэропорт с городских кварталов ветерок ощутимо отдавал то ли перегнившей помойкой, то ли давно и безнадежно засорённой канализацией. Хотя чего я жду – тут же задница третьего мира, да ещё и задница, пережившая Долгую Зиму... Пробивавшиеся сквозь фоновые крики тропических птиц (куда же без них на помойках-то?) звуки меня тоже

не сильно впечатляли, поскольку где-то в городе беспорядочно стреляли одиночными и выла полицейская сирена. Всё как всегда. Звуки и ароматы довольно большого, но явно полупустого и малопригодного для жизни города...

У светившегося давным-давно выбитыми стёклами (кое-где, но далеко не везде, на место выбитых окон и дверей явно второпях воткнули ржавые жестянки, упаковочную плёнку или фанерно-пластиковые обломки) пассажирского терминала стояли С-130 «Геркулес» и какой-то некрупный двухдвигательный «Аэрбас» – и то и другое с крупно намалёванными на крыльях и фюзеляже красными крестами. Дальше у края полосы просматривалась недлинная стоянка, явно принадлежавшая местным ВВС – там я рассмотрел пару Су-27 в невообразимом чёрно-зелёно-жёлтом полосатом камуфляже, Су-25 и несколько Миг-21. Судя по зачехлённым брезентом носовым частям, эти самолёты, видимо, были в лётном состоянии. Позади них были видны выпотрошенные фюзеляжи ещё нескольких Миг-21, Су-17 и Миг-23, так сказать, бранные останки былой роскоши. Прямо за стоянкой, внутри баррикады из ржавых бочек и мешков с песком, откровенно скучал тощий негр в камуфляжной куртке с оторванными рукавами и соломенной панаме, рядом с которым торчал из-за мешков ствол РПК.

Интересно, что к нашему «Илу» никакого внимания по-прежнему не проявляли, словно его на стоянке нет и не было. Никто не шёл и не ехал в нашу сторону. Вместо этого в отдалении, прямо через ВПП, в сторону здания аэровокзала лениво брели ещё два босых аборигена с большими холщовыми мешками за спиной – один в трусах (которые когда-то, похоже, были джинсами, а до этого шортами) на голое тело, второй ещё и в линялой розовой майке, дополнявшей нечто похожее на рваные шорты. Идиллия прямо-таки. Всем все по хрен, а ещё говорят – война у них тут...

– Товарищ майор! – доложила Тупикова у меня за спиной. – Личный состав построен!

Я резко обернулся. Лейтенант Симонов с автоматом наперевес и Светка Пижамякина со своей зачехлённой «волыной» стояли чуть в стороне, у сложенного на бетонке снаряжения, прочий личный состав стоял построенный в недлинную шеренгу у борта «ила». Рюкзаки на земле, оружие в положении «на ремень». Из открытой двери грузовой кабины на них с интересом пялился бортмеханик.

– Вольно, бойцы! – сказал я и продолжил: – Слушайте меня внимательно и мотайте на ус то, что я вам сейчас скажу, поскольку экскурсовода наша дальнейшая культурная программа не предусматривает. Приказываю никуда не разбредаться и по возможности в одиночку никуда не отлучаться, даже в сортир. Ангола, куда мы с вами прибыли, конечно, считается дружественной страной, поскольку ещё наши отцы и старшие братья совместно с кубинцами в не столь уж давние времена помогли основать здешнее государство и не дали ему окончательно пропасть. Однако, как здешние аборигены теперь относятся к белым людям с оружием, мне лично понять сложно. Поэтому разговаривать с местными кексами я вам категорически не рекомендую...

– Это почему, тарих майор? – спросил сержант Мамонтов с левого фланга шеренги.

– А среди собравшихся есть лица, читавшие Вашко де Камонса, Алешандре Эркулану или, скажем, Андреаса Торреса? – блеснул я интеллектом. И это не от того, что я от рождения такой весь из себя умный. Просто старая студенческая привычка, с советских ещё времён. Собрался о чём-то говорить – предварительно загляни в энциклопедию (с тех пор как Интернет в конце концов накрылся медным тазом, это опять стало актуально). А время на визит в нашу напоминающую своей мёртвой тишиной, вековой пылью и малолюдством склеп какого-нибудь очень древнего и почти забытого тирана гарнизонную библиотеку у меня перед вылетом было.

– А кто это, тарих майор? – спросила Машка Тупикова, разинув рот от удивления. Помоему, она выразила этим вопросом общее мнение, поскольку на лицах бойцов застыло тягостное непонимание.

– Это, мля, классики португальской литературы, почти как наши Пушкин и Толстой. Хорошо, тогда задам более простой вопрос: знающие португальский язык хотя бы на уровне

«хенде хох» и «Гитлер капут» среди присутствующих есть? – поинтересовался я несколько ехидно.

– Не-е-а, – слитно проныл строй.

– Вот о тож. Потому и не рекомендую лишний раз и без повода рты открывать. Всё равно ни вы их не поймёте, ни они вас. Разве что попадётся какой-нибудь выпускник Лумумбы.

– А кто это – Лумба, тарищ майор? – спросила Машка.

– Не Лумба, а Патрис Лумумба, – пояснил я, мысленно матюкнувшись. – Прогрессивный вождь конголезских людоедов, большой поклонник и практически друг СССР и лично Никиты Сергеича Хрущёва. В начале 1960-го, во время большой заварушки в бывшем бельгийском Конго, попал в руки людей короля Леопольда, а точнее, бельгийских парашютистов и местных сепаратистов-наёмников из провинции Катанга, которые его сначала долго и болезненно убивали, потом сожгли труп, а то, что осталось, полили серной кислотой. А в Советском Союзе в честь него позже назвали московский Университет дружбы народов, в котором училась масса неплохих, в общем-то, людей из стран третьего мира, которые тогда ещё, чисто по недомыслию, назывались развивающимися. Так вот, если вдруг встретите местного негра, который хорошо к вам относится, а также говорит и понимает по-русски – значит, он скорее всего выпускник этой самой Лумумбы. Понятно?

– Так точно! – ответила шеренга.

– Замечательно. Теперь дальше. Из местных продуктов, пусть даже оно валяется где-то перед вами абсолютно на халяву, ничего не есть. И тем более не пить ничего, даже просто воду, которую набирать только в стопроцентно безопасных местах. Имейте в виду, что здесь кругом чудовищная антисанитария и чёрт-те какие болезни, типа эболы, на каждом шагу. Никогда не забывайте и о том, что ещё до Долгой Зимы севернее этих мест, в экваториальных районах Африки, кем попало и как попало было применено разнообразное бактериологическое оружие, многие образцы которого до сих пор толком не изучены, а последствия их использования неизвестны. Поэтому о малейших ухудшениях самочувствия немедленно докладывать мне и держать под рукой полевые аптечки. Это понятно?

– Так точно! – ответил строй.

– За сохранность вооружения, экипировки и обмундирования отвечаете по всей строгости. Чтобы мне потом не делали большие глаза, не изображали олигофренов и не писали рапортов в стиле: «Всем давали, мне не дали, прошу дать Хисматулин комбинзон».

Строй довольно заржал, поскольку я процитировал давно уже ставший бригадной прибауткой текст вполне реального рапорта, который как-то написал на имя начальника вещевого склада капитана Самородова рядовой Хисматулин, по какой-то причине не получивший вовремя комплект нового летнего обмундирования.

– Отставить смехуёчки! Все поняли, что я сказал?

– Так точно, – ответил строй.

– Тогда на этом у меня пока всё, – завершил я своё выступление.

Поскольку в этот момент я наконец услышал недалёкий шум моторов.

Со стороны здания аэровокзала, явно к нам, направлялась небольшая автоколонна – старенький «Лендровер», за ним небольшой, крытый брезентом грузовичок «Унимог» (тоже не новый и явно юаровского производства) и несколько крайне поиметого вида военных грузовиков с безразличного вида чернокожей солдатнёй в кузовах.

Грузовики выглядели так, словно их только что нашли на свалке. В числе подъехавших машин был древний КраЗ повышенной проходимости (кажется, даже 214Б) со скособоченной кабиной (а чего не скособочиться, у неё же каркас деревянный!), начисто лишённый фар, капота и частично радиатора, два убитых наповал долгой службой ЗИЛ-131, густо покрытые вмятинами и рваными дырами (может, даже и от пуль), с начисто выбитыми стёклами кабин, и сильно заржавленный по всем выступающим частям «Урал» без одного переднего крыла, с

изрядно помятыми бортами кузова, словно его в эти самые борта местные слоны или носороги бодали...

От подъехавшего «Лендровера» к нам направились несколько человек в камуфляжной форме, двое из которых были вроде бы вполне европеоидной наружности.

К ним сразу же рванул командир «ила» Вершинин, явно узрев в подошедших кого-то знакомого.

– Прибыли? – спросил, подходя ко мне вплотную, невысокий, дочерна загорелый светловолосый крепыш, на чьей форме не было никаких эмблем и знаков различия.

– Так точно! – я козырнул ему и представился полным титулом.

– Подполковник Аргеев, – представился крепыш. – Заместитель начальника нашей военной миссии в Анголе. Вон там – всё ваше?

И он кивнул на сложенное на бетонке снаряжение и боеприпасы.

– Так точно!

– Остальной груз к вам не относится?

– Никак нет!

– Тогда можете подождать. А лучше двигайтесь потихоньку в здание аэропорта и ждите нас у выезда. Там стоит ещё один такой же грузовик.

И он кивнул в сторону «Унимога».

– А чего он сюда-то не заехал? – поинтересовался я.

– Заглох потому что, – пояснил подполковник. – Мы сейчас разгрузим самолёт, погрузим ваши причиндалы и тогда уже поедем. Как закончим все свои дела. Если хотите – ждите здесь. Но разгрузка займёт какое-то время...

Он что-то крикнул по-португальски. Из кузовов грузовиков неэнергично ссыпались несколько тощих местных вояк, которые первым делом начали грузить наше снаряжение в «Унимог». Делали они это донельзя лениво, что сразу давало понять – в этой стране быстрота в любых вопросах явно не в почёте.

– Пошли, – сказал я личному составу, закидывая рюкзак с бронежилетом за плечо и наблюдая, как Аргеев со вторым европейцем и Вершининым просматривают пачку каких-то документов (явно что-то вроде накладных на груз), а приехавшие с ними чёрные солдатёжки во всё том же темпе сонных мух начинают таскать из «ила» в грузовики тюки с медикаментами.

Местный аэровокзал построили явно ещё португальцы, во времена своего безраздельного колониального владычества в этих краях. В длинном обшарпанном двухэтажном здании не хватало многих окон (а те, что пережили все последние горькие катаклизмы, были мутны и грязны), а когда-то, возможно, даже электрифицированные буквы Luanda International Airport над входом были покривлёнными и непоправимо ржавыми.

Выщербленный бетон под ногами тоже, по-видимому, остался со времён благородных идалго, причём каких-либо ремонтов он с тех пор, похоже, не знал. Чуть в стороне виднелась неряшливая шеренга заброшенной аэродромной техники (всякие бензозаправщики и прочие «технички»), среди которой неравномерно чередовались ЗИЛ-131 и западные машины. Всё полуразобранное, ржавое и донельзя неприглядное.

Ни одного человека на всём пути от самолёта до здания аэровокзала мы не встретили. То ли по местным меркам было ещё очень рано, то ли у них здесь такое малолудие – обычное дело. Всё может быть...

Когда-то входные двери аэровокзала, видимо, были автоматизированными. А теперь они замерли (похоже, что навсегда) в полуоткрытом положении. Впрочем, как оказалось, скособо-ченнная стеклянная панель всё-таки, хоть и со скрипом, сдвигалась. Войдя внутрь, я наконец обнаружил некоторые остаточные признаки разумной жизни – у входа за увенчанным архидревного вида телефоном (с тех пор как мобильная связь окончательно гавкнулась, других не бывает по определению) грязноватым столом сучала тощая губастая негритянка в чистой

белой блузке, тёмно-синей юбке (похоже, представительница местной гражданской авиации или того, что от неё ещё осталось) и сандалиях, а дальше, на скамейке у стены, дрых босоногий местный солдат в камуфляже. Обшарпанный АКМ был прислонён к стене у его изголовья. Ни абориген, ни аборигенка не проявили к нам ни малейшего интереса (войка даже не соизволил проснуться), и мы молча проследовали мимо них в пустой зал ожидания.

Последний был очередным здешним «памятником былой роскоши» (хотя какая в этой самой Анголе, даже в прежние времена, роскошь?), попавшимся на нашем пути. Грязный пол, пластиковые сиденья и скамейки, многие из которых давно были вырваны с мясом со штатных мест. На отсыревшем (после Долгой Зимы обычное дело – совершенно не приспособленное к холодам здание сначала промёрзло насквозь, а потом оттаяло) и тронутым грибком потолке – похоже, навсегда погасшие лампы. Часть облицовочных панелей со стен содрана (может, на растопку во время Долгой Зимы пустили, а может, и какие дыры латали, чёрт его знает), кое-где сохранились выцветшие рекламы давно сгинувших авиакомпаний и турфирм из прошлой жизни.

Но больше всего меня удивило не это, а нечто похожее на гнусавое пение, слышавшееся откуда-то слева. Причём в песне было что-то знакомое. Из чисто спортивного интереса я свернул на звук.

Там, оказывается, наличествовало нечто отдалённо похожее на бар. Горела пара тусклых лампочек, а за стойкой, позади которой на полках стояли разнокалиберные фигурные бутылки с яркими этикетками и разноцветной жидкостью (судя по тому, что пара бутылок из-под коньяка и вискаря содержали непонятную ядовито-зелёную жидкость, я понял, что в бутылках, как и почти везде в подобных заведениях сейчас, разлита скорее всего подкрашенная вода, а отнюдь не бухло), маялся тощий чернокожий «бармен» в цветастой рубашке, начисто лишённой пуговиц. В пепельнице на стойке лежали толстые окурки самокруток. Ощутимо воняло сивухой (какая-нибудь пальмово-банановая или тростниковая самогонка местного разлива?) и ещё чем-то, от чего слегка щипало в носу (травкой, что ли, ну и бар у них тут, однако, для полноты картины только вызывающих глюки местных грибочков не хватает!).

На шатких облезлых высоких табуретах у стойки спиной ко мне сидели пятеро явных европейцев в камуфляжной форме натовского образца. Они пялились в стоящие перед ними полупустые захватанные высокие стаканы с мутным содержимым, а двое из этой компании при этом тоскливо, немзыкально и, я бы даже сказал, жалобно тянули заунывную, показавшуюся мне очень знакомой песню:

...Czerwone maki na Monte Cassino zamiast rosy pily polska krew...

Подойдя чуть ближе, я рассмотрел на рукавах их мундиров красно-белые флажки и надпись «Poland», а также то, что крайний из этих пятерых был тощей и некрасивой белобрысой девкой, а один из поющих, обладатель вислых усов с проседью, имел на погонах пару пластмассовых звёздочек (то есть командиром здесь, видимо, был именно он), и то, что все пятеро находились, культурно выражаясь, в крайней степени опьянения. А если говорить проще и по-русски – в говно. Их автоматы (я узнал «Бериллы», они же wz.96, ублюдочная переделка «калаша» под западный дизайн и натовский патрон, память об эпохе тотального жополизания) стояли тут же на полу, прислонённые стволами к барной стойке.

Значит, поляки... Интересно, каким это ветром панов-жолнеров занесло в такую дыру? Небось, как обычно, какую-нибудь гуманитарную миссию охраняют. Правда, толку от них тут, наверное...

Сам я с поляками достаточно близко сталкивался всего один раз, ещё Долгой Зимой. Мы тогда были в одной из европейских командировок и участвовали в сопровождении транспортного конвоя из Зальцбурга в сторону Инсбрука. Тогда без таких конвоев было совсем никуда – по всей Европе мелкие городишки почти начисто вымерзли и вымерли, вся жизнь сосредотачивалась в ряде ключевых пунктов, которые надо было как-то кормить и снабжать. Ещё бы –

масса беженцев, скученных в относительно небольших (крупными-то они считались только по местным меркам) городах и вокруг них. Ну и, разумеется, такие конвои всегда были лакомой целью. Исламское бандподполье тогда и в городах имело место быть, и в довольно больших количествах, – периодически грабили кого попало, резали армейские патрули, палили из-за угла и с чердаков, подкладывали фугасы, засылали шахидов, обвешанных взрывчаткой, и ещё много чего...

Спросите, а что мы там делали? Отвечаю – опытом обменивались, учили европейцев. Поскольку, как оказалось, всё, что они умеют, – это ликвидировать минную угрозу («ликвидировать», по их ненормальным понятиям, – это обнаружить мину или фугас, закрепить на них взрывчатку и дистанционно подорвать – как дети, ей-богу) в условиях какой-нибудь ближневосточной пустыни, на хороших дорогах, при наличии полного набора «гаджетов» – от БРЭМ до системы постановки помех, спутниковой навигации и примитивных роботов с манипуляторами. А вот бороться с минами, фугасами, а также растяжками и прочими противопехотками на загромождённых битой и брошенной техникой обледелых горных или лесных дорогах, особенно при отсутствии каких-либо технических средств (да что там технических средств – просто при отсутствии электричества и радиосвязи, когда мины ищешь и обезвреживаешь фактически вслепую при помощи шупа, пальцев рук и собственного могучего интеллекта), при сильно минусовой температуре, приличном снежном покрове и тогдашней ядерно-зимней погоде, когда ночь сменяется сумерками, а метель поднимает такую снежно-пепельную колдовья, которая затрудняет даже движение машин (не говоря уж, к примеру, о вертолётах), они, как оказалось, совершенно не умеют, и учиться им уже, можно сказать, поздно.

В общем, ту колонну грузовиков с «гуманитаркой» сопровождало несколько бронемашин, вояки из Австрии, Польши и Италии, ну и я, грешный, с неполным сапёрным взводом. Вот только мин и фугасов мы тогда не встретили – на нас напали просто и незатейливо, по всем правилам классической партизанской засады. Подбили из РПГ танк «Леопард-1» с трапом, шедший во главе колонны, потом бронемашину в хвосте колонны, потом начали выбивать остальных на выбор. Мы, в отличие от остальных присутствующих, с подобным неоднократно сталкивались у себя на родине, а потому, спрыгнув с машины, заняли прочную оборону в лесу. Благо только мы там были одеты в белые маскхалаты. Позиция у нас была хорошая, впереди чуть ниже нас дорога с замершей на ней колонной, а вокруг заснеженный лес и валуны, а позади нас – скала, так что с тыла не обойдёшь. Ну, мы и держались, экономя боеприпасы. Миномётов или фугасных гранат для РПГ у боевиков не нашлось, а ручные или подствольные гранаты до нас просто не долетали. Помогло ещё и то, что боевики боялись стрелять по грузовикам – понимали, что машины могут загореться, а им было нужно содержимое их кузовов. В общем, они раз за разом поднимались, вопя про свой «аллах акбар», а мы так же раз за разом укладывали одного-двух из них замертво в грязный придорожный снег. И так продолжалось часа два.

Потом из-за машин заорали противным гортанным голосом на плохом немецком, предлагая сдаваться:

– *Sich gefangen geben!*

В ответ на что я приподнялся и во всю мощь лёгких сделал местным душманам встречное контрпредложение – пожевать, пососать и понюхать сами знаете что, предельно простыми и понятными русскими словами, на языке родных осин. Помню, после этого стрельба затихла минут на пять, а потом тот же голос, который только что предлагал нам задрать лапки в гору, несколько удивлённо-неуверенно и вопросительно проорал на ломаном русском:

– Рюски?

– Да-а! – проорал я в ответ.

И после этого наступила уже полная тишина, поскольку у русских в Европе тогда (да и сейчас, кстати сказать) была мрачная слава полных отморозков, не сдающихся в плен похорошему, с которыми лучше вообще не связываться.

Когда ещё через час наконец приползло немецко-австрийское подкрепление с парой танков и ЗСУ «Гепард», никого, кроме покойников и нас, у дороги уже не было. Только благодаря нашему упорному сопротивлению тогда было разграблено только пять машин (и то только потому, что они стояли далеко от нас и мы их плохо видели), а два десятка вполне себе уцелело. Как оказалось, мы держались почти четыре часа, и по окончании баталии у нас было всего двое легкораненых.

Потом выяснилось, что часть итальянцев и австрийцев, сопровождавших конвой, не иначе, надеясь по своей жлобской привычке на Женевскую конвенцию и прочий сопливый гуманизм, после первых выстрелов сдалась боевикам, и те их просто деловито перекололи и покидали в ближайшее ущелье. А вот поляки тогда оттуда просто драпанули вдоль дороги, бросив пару исправных бронемашин, но почти не понеся при этом потерь. Единственный плюс – именно они добежали до ближайшего армейского поста и вызвали подмогу.

В общем, я тогда сделал вывод, что они, как и большинство европейских вояк, с исламистами воюют плохо, а вот с пиндосами они, в случае чего, судя по всему, вообще воевать не способны (те же для них совсем недавно были «братьями навек»). Не знаю, как выглядят в этом отношении их части, сформированные относительно недавно, но что-то мне подсказывает, что вряд ли они сильно отличаются в лучшую сторону от того, что было раньше...

Характерно, что на меня бухие в дупель ясновельможные паны даже не посмотрели. Хотя я, честно говоря, и не стремился как-то привлечь их внимание. Только один из этих подхалян, скосив залитые шары в мою сторону и, похоже, увидев у меня на груди гвардейский знак советского образца (а мы в бригаде их носим в обязательном порядке), замер, непроизвольно разинув рот. Я пожал плечами и двинулся в обратном направлении, где в зале ожидания уже собрались мои подчинённые. Сулимов, Шухов и Хасанов уже расслабились и приноровились закурить.

– Все валим на свежий воздух, – скомандовал я. – А уже там опрашиваемся и курим.

– А это кто? – спросила Машка Тупикова, с интересом разглядывая издали колоритную «скульптурную группу» у барной стойки.

– Пшеки, – пояснил я. – И если они здесь так службу несут, я не удивляюсь, что тут кто попало десанты высаживает. Надо будет у нашего подпола спросить, какого это для подобные паны Володыевские здесь потеряли...

– А чего это они поют такое, тарищ майор? – поинтересовалась Машка.

– «Красные маки на Монте-Кассино вместо росы пили польскую кровь...» Вот слушаешь этих ляхов и сразу удивишься – оказывается, кто только ни пил их голубую польскую кровь... Короче говоря, одноимённая песня про эти самые маки.

– А что за Монте-Кассино? – уточнила Машка. Остальной личный состав тоже наострил уши.

– Это из Второй мировой. Весной 1944-го 2-й польский корпус в составе двух дивизий, Карпатской и Кресовской, с приданной танковой бригадой по приказу англичан тупо и бездумно штурмовал в лоб руины этого самого монастыря Монте-Кассино в Италии, который до них так же тупо и тщетно атаковали индусы и гурки. Дело было в горах, и поляки потеряли там чуть ли не четверть личного состава, даже несмотря на численное превосходство. Руины они, правда, взяли, но немцы отошли километров на двадцать (на заранее подготовленные позиции, кстати сказать) не поэтому, а только после того, как им в тыл через перевалы вышли французские горные стрелки. Тем не менее сей штурм считается самой славной и самой кровопролитной операцией польских сил на Западе.

– А сколько там было немцев? – уточнила Машка.

– Везде пишут, что там были подразделения 1-й немецкой парашютной дивизии. Думаю, в монастыре сидело не больше полка, а то и батальона. В плен поляки взяли человек двадцать немцев...

– Во дятлы, – удивилась Машка. – А чем тут тогда гордиться-то, тарищ майор?

– А это ты у них спроси, – кивнул я в сторону барной стойки. – Зато по их шляхетским понятиям данное произведение замечательно вписывается в их национально-патриотическую идею, якобы состоящую из гремучей смеси жертвенности и героизма.

– Это как?

– Если в двух словах, хороший герой – мёртвый герой. Причём, если спросить у них самих, окажется, что во всех польских бедах за последние лет триста только мы и виноваты – и Варшаву мы чуть не взяли в 1920-м, и в сентябре 1939-го вместе с Гитлером (а кое-где у них уже писали даже, что ВМЕСТО Гитлера) Польшу оккупировали, и потом, после 1945-го, сорок лет нагибали их через колено... Как будто это не они когда-то давно Смоленск и Москву брали и своего королевича на наш престол пытались посадить...

В этот момент у самого здания аэропорта вдруг вспыхнула хаотичная автоматическая стрельба. Какая-то неряшливо-суматошная, вроде и не короткими очередями, но и не одиночными. Наши бригадные шутники называли такой стиль перестрелки «белые в городе»...

Я выскочил наружу, следом за передёргивающей «никонов» Машкой. Первое, что я увидел, – своих подчинённых, которые, побросав рюкзаки и прочую ручную кладь, грамотно залегли у выхода, там же, где стояли.

Чуть дальше я рассмотрел бывшую автостоянку с ржавыми кузовами нескольких легковушек и автобусов, возле которых был как попало припаркован обшарпанный броневик юаровского производства «Касспир», больше всего напоминающий поставленный на четыре колеса унитазный бачок с клиновидным, противоминным днищем. За броневиком виднелся, видимо, тот самый ждущий нас и заглохший грузовичок «Унимог» (водилы нигде не было видно).

А вот левее, у выездных ворот аэропорта, как раз и шла та самая суматошная пальба.

Я пригляделся и увидел следующую картину – один из встреченных нами накануне на ВПП негров (тот, который в одних джинсовых трусах), скрючившись, лежал лицом вниз на асфальте, и под ним медленно расплывалось тёмное влажное пятно. Брошенные мешки, из которых просыпалось что-то вроде консервных банок, валялись поодаль, а его напарник в розовой майке быстрее лани убежал зигзагами в сторону росших неподалёку пальм, за которыми виднелись ближайшие городские постройки. Вслед ему палили одиночными или короткими очередями из АК-47 два черномазых солдата в камуфляжных куртках (одному из них на вид было явно лет 14–15, не больше). Палили нервно и неприцельно, так что все пули уходили «в молоко» (а может, они просто изначально не хотели точно стрелять?). Третий абориген в камуфляже, который размахивал зажатым в правой руке большим пистолетом и что-то недовольно орал стрелкам, по-моему, на смеси какого-то местного и португальского наречий, был явным начальником, поскольку был чуть ли не втрое толще автоматчиков, а кроме камуфляжной куртки и штанов был экипирован в справные армейские ботинки и голубую бейсболку с символикой то ли ООН, то ли Красного Креста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.